

Надежда и Николай
ЗОРИНЫ

*Ты уверен, что
сам управляешь своим разумом?*

*Эффект
предвидения*

Игры чужого разума

Николай Зорин

Эффект предвидения

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зорин Н.

Эффект предвидения / Н. Зорин — «Эксмо», 2017 — (Игры чужого разума)

ISBN 978-5-699-95793-4

Аня Соболева тихо сходила с ума. Виной тому была встреча на лестнице со странной черной старухой из квартиры этажом ниже. Та утверждала, что Аню скоро постигнет судьба девушки, которая в начале прошлого века жила в этом доме и погибла. «Убийца придет со дня на день, – вешала сумасшедшая, – придет, и все станет красным...» Когда Аня решила снова спуститься по лестнице, рабочие, делавшие ремонт в квартире, из которой выходила старуха, сказали, что здесь никто не живет. Но пророчество сбылось... Правда, погибла не Аня, а сама провидица, являвшаяся девушке не то во сне, не то наяву. Но преступник-то был реальным! Или все-таки нет?..Ранее роман издавался под названием «Вечер в красных тонах»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95793-4

© Зорин Н., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Надежда и Николай Зорины

Эффект предвидения

© Зорина Н., Зорин Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Вот стрелка дойдет – и пора. Все готово, можно отправляться. В сущности, совершенно неважно, дойдет она или нет. Эти оставшиеся от часа минуты ничего не решают. Но пусть уж лучшие дойдет.

Часы стучат, как кровь в висках, – гонят время по венам времени. Стрелка ползет, приближая «пора». А ты и не знаешь. Не ждешь. Не боишься. Думаешь, что и сегодняшний вечер закончится ночью. Как всегда, как обычно. Нет, дорогая, сегодняшний вечер закончится смертью.

Во всем виноват пистолет. Летний день поздней весны виноват, не по сезону жара виновата. И ты виновата, потому что знаешь, кто виноват.

Сегодняшний вечер закончится смертью – стрелка дошла. Черный костюм, черные туфли – все предусмотрено. Только не предусмотрен дождь. А плащ темно-серый – цветовая дисгармония.

Что же делать? Пойти без плаща? Или отложить все на завтра?

Да просто взять зонтик.

Как же нехстати дождь!

...Мокрая улица. Дождь барабанит по зонтику. Мокрый трамвай – чужой. Подошвы намочили, скользят по асфальту. А тогда жара стояла страшная, хоть тоже был май. Все не так, все не так! И нет пистолета. Снова трамвай подошел – снова чужой. Да здесь и всего-то три остановки, можно дойти пешком. Нет смысла ждать следующего, уже слишком поздно: стрелка давно убежала вперед – трамваев, наверное, больше не будет.

Ветер рвет зонтик из рук. Какая обременительная вещь этот зонтик! Мучительно пахнет тополь. Пахнет и каплет дождем.

Я не хочу убивать. Я не убийца! Они обманули.

Но стрелка дошла, и все подготовлено.

Да в том-то и дело, что ничего не подготовлено. Даже нет пистолета, который во всем виноват. Глупая, жалкая замена в кармане пиджака совсем ненадежна.

Я не хочу убивать. Так. Убивать. Тебя.

Две остановки трамвая осталось тебе жить. Две остановки пешком. И еще двор и несколько десятков ступенек неспешного подъема до пятого этажа. Я позвоню, ты откроешь – и выпадет красное. Этот вечер окрасится красным, а ты об этом и не догадываешься. Ходишь по своей огромной квартире и думаешь, что вот уже вечер превращается в ночь, и ни о чем не догадываешься.

Я иду к тебе – ночь не наступит. Лезвие глупой замены порезало пальцы, и теперь карман пиджака стал мокрым. Как это неприятно и как раздражает. Скорей бы все кончилось.

Ну вот и двор. Мокрый, мокрый. Дом, в котором не наступит твоя ночь. До чего ж нестерпимо пахнет тополь. Просто какая-то истерика запаха. Приглушенный свет твоего окна не ожидает подвоха в сегодняшнем вечере. Ты, вероятно, уже ложишься и думаешь, что ночь...

Ночь не наступит – я иду. Ночь не наступит.

Часть 1

Глава 1

Еще предстоял прощальный ужин, так неудачно совпавший с новосельем. Еще предстояла ночь, которая все равно уже ничего изменить не могла. Еще предстояло прощание в аэропорту – окончательный конец конца. А потом...

А потом предстояло три недели прожить без него. Ужас, ужас, кошмар. Как прожить без него эти три бесконечные недели?

Но еще предстоял сегодняшний день. И ужин. И ночь. И утро прощания. И еще полчаса до того, как прозвонит будильник и все это предстоящее начнется.

Аня уткнулась в теплое, спящее плечо Кирилла. Он что-то забормотал со сна, заворочался.

Ну вот, разбудила, украла у себя полчаса – сейчас он встанет, и отсчет времени пойдет уже другой – потекут последние часы.

Нет, не проснулся. Но все равно, все равно конец так близко, что вот почти и наступил. Эти полчаса не в счет, агония конца уже началась. И ничего не исправишь.

Ну не проживет она без него эти три ужасные недели, ни за что не проживет. Неужели он не понимает?

Не понимает. Понимать ему некогда – он улетает в Америку. Да ему вообще всегда некогда.

Организатор, владелец, редактор газеты «Криминальный город», за четыре года существования ставшей самой крутой, самой читаемой, самой популярной в области, солидный, занятой, очень взрослый человек, разве может он отвлекаться на всякие глупости, на детские ее глупости и капризы? Некогда ему понимать. Ему нужно лететь в Америку, как самому-самому.

А она не выживет.

Но ведь когда-то, совсем недавно, если разобраться, всего какой-нибудь год назад, жила же без него. Ходила в свой художественный лицей, рисовала акварельки, играла на скрипке, гуляла с собакой, слушалась маму с папой и знать не знала никакого Кирилла. Маленькая девочка Анечка Гартнер, почти ангелочек. Их семья собиралась уехать в Германию, уже и документы были готовы, ждали *только*, когда она окончит лицей. Оставался месяц. Но когда этот месяц прошел, стало ясно, что ни в какую Германию она не поедет, потому что...

Это был первый взрослый поступок в ее жизни. Ей никогда не давали денег на карманные расходы, считали маленькой и совершенно неприспособленной к практической жизни, лелеяли эту ее детскость и неприспособленность, всячески сопротивлялись взрослению. «Анечка у нас художница, – представляли ее родители новым своим знакомым. – Вот ее последняя работа. Очень талантливый ребенок, не правда ли? И как тонко подмечены детали. Она очень чуткая девочка, понимаете? Сыграй, Анютка, соль-минорный концерт Вивальди». И приходилось играть – нельзя было развеять образ чуткого, послушного, талантливого ребенка. Родители бы этого ей никогда не простили.

Хорошо еще хоть на стул не ставили посреди комнаты и стихи читать не заставляли. И бант на голову не повязывали. Все-таки и они могли понять, что семнадцатилетняя дылда с бантом на голове будет смотреться нелепо.

Но денег на карманные расходы все равно не давали. И не давали шагу ступить без спросу. И взрослых поступков совершать не давали. А она однажды взяла и совершила: собрала свои талантливые акварельки с тонко подмеченными деталями и отправилась на пяточок возле университета продавать.

Никакой это был и не взрослый поступок, а самый обыкновенный детский бунт. Позже Аня и сама расценивала его именно так. Но то, что за ним последовало, как раз и положило начало ее настоящей взрослой жизни.

Кирилл. Ее Кирилл.

Он и последовал, он и положил. Скупив на корню все ее акварельки. Скупив на корню все ее художественные амбиции. Купив с потрохами всю ее, маленькую, неожиданно взбунтовавшуюся против родительской опеки девочку, Анечку Гартнер.

В Германию родители уехали без нее. Анечка Гартнер через полгода, когда наконец ей исполнилось восемнадцать, преобразовалась в Анну Соболеву, жену самого лучшего журналиста и человека города. Который теперь улетает в Америку в качестве самого лучшего.

Будильник вот-вот зазвенит, осталось совсем ничего, меньше пяти минут. День пройдет в навязанных некстати хлопотах по приготовлению к новоселью – прощальному ужину. А завтра Кирилл улетит. Как лучший, как победитель какого-то дурацкого конкурса журналистских проектов, как предатель, как равнодушный человек, которому дела нет до того, что она...

Нет, неправда. Ему есть дело. Он и сам был расстроен, что оставляет ее одну. И даже заговаривать стал, чтоб не лететь. Вернее, спрашивать: может, мне не лететь? Как ты тут без меня? И тогда пришлось настоять, чтоб летел. Потому что... ну в самом деле, нельзя же задерживать человека, которому вдруг представилась возможность побывать в Америке. И к тому же он ведь и сам был ужасно рад, хоть и расстроен... Разумеется, он хотел в Америку. Да и кто бы на его месте не хотел? Пришлось сделать вид, что отъезд его она переживет. Ничего, как-нибудь перетерпит. Да и вообще все у нас будет прекрасно. Что такое три недели? Разве это срок? И пришлось радоваться вместе с ним победе в каком-то там конкурсе (она толком и не поняла, что за конкурс) и даже заказать ему какую-то немыслимую фантастическую шляпу, когда он пристал, что привезти в подарок. Она сама ее выдумала, по ходу сымпровизировала, таких и шляп-то, наверное, не бывает. Только для того, чтобы Кирилл успокоился и думал: три недели Америки – ерунда и вовсе не страшно.

А это страшно, очень страшно. Но пусть Кирилл об этом не знает.

Будильник. Все. Пошел последний день. Надо же было случиться, чтоб и новоселье сегодня, хоть бы вечер провели вдвоем, последний их вечер. Придет толпа посторонних людей, чужих и ненужных. Будут вести умные, взрослые разговоры об умных и взрослых журналистских вещах. И еще придет мама Кирилла, Раиса Михайловна, – ужас и кошмар. Когда она появляется, даже с Кириллом становится страшно, ведь даже Кирилл, сильный, большой Кирилл Сергеевич, ее муж и редактор, не в состоянии защитить ее от этого чудовища. С самого начала отношения у них не сложились и, конечно, никогда уже не сложатся, и надеяться нечего. Нет, Раиса Михайловна не делала ничего плохого, но... Да она ее просто ненавидела, возненавидела с первого взгляда, а потом эта ненависть все росла и росла, потому что надежда на то, что у сына ее, Кирилла, блажь пройдет, он наиграется маленькой дурочкой Аней, фарфоровой куколкой, забросит на заднюю пыльную полку и женится наконец на взрослой, достойной его во всех отношениях женщине, все уменьшалась и уменьшалась. А полгода назад иссякла совсем – Анна Гартнер стала законной Анной Соболевой, мосты сожжены, сын окончательно пропал.

Кирилл сел на постели. Потянулся, зевнул. День пройдет незаметно, бездарно. А потом сразу утро завтрашнее наступит. И день – но уже без Кирилла.

Притвориться, что спит? И украсть у этого утра еще пять минут? Притвориться, что заболела, тяжело заболела, и украсть у Кирилла поездку? Умереть, умереть и украсть у него целую жизнь?

– Соня-засоня, просыпайся. – Кирилл поцеловал ее во влажный висок и легонько потрепал за плечо. – Дел у нас сегодня невпроворот, а мне еще на работу заскочить надо.

Аня открыла глаза, сделав вид, что только проснулась.

– На работу? Ты на работу поедешь? Зачем? Я думала...

– Ну, зачем? Я так и собирался. Все-таки на три недели свою богдельню оставляю без присмотра. Последние указания дать, то да се. Но я ненадолго. Часика на два.

– А-а. Да, конечно.

Значит, минус два часа. От последнего дня, и так усеченного новосельем, отсекаются еще два часа. Целых два часа без него. Почему же он не предупредил вчера, что едет на работу? Потому что ему все равно, не он остается на три недели один.

Аня встала и, не глядя на мужа, принялась заправлять постель. Слезы закапали на одеяльник, оставляя круглые темные следы.

Рано, рано, не сейчас. Нельзя при нем плакать, а то он тоже расстроится. Все равно изменить ничего нельзя, нельзя отменить Америку. Сдержаться, сдержаться... Ну что он встал и смотрит? Невозможно сдержаться.

– Иди в ванную первый. – Голос дрожит, предательски дрожит. Сейчас Кирилл заметит. Нельзя, нельзя, чтобы он заметил.

– Хорошо... Подожди, ты что, плачешь?

– Нет, нет. Ты иди. Нос потек. Аллергия, наверное, на книжную пыль. Ты же знаешь, у меня всегда... Надо было первым делом разобрать книги, а то стоят стопками по всей квартире, пыль... Ты уйдешь, я займусь.

– Да постой. – Кирилл обнял Аню за плечи, усадил на кровать. – Я же вижу, что плачешь. Анечка, маленькая моя, ну что ты расстраиваешься? Я совсем ненадолго уйду. Два часа – и я дома. Помогу тебе с приготовлениями.

– Да, конечно. – Слезы совсем прорвались, теперь ни за что не остановиться.

– Ну повернись ко мне, так разговаривать трудно. – Кирилл развернул ее к себе. – Точно, плачет! Я так и думал. Анечка, что ты? – Он провел ладонью по ее лицу. Стирая слезы, прижал к себе, укачивая, как ребенка.

Гладит, качает, сам чуть не плачет, а ведь он рад, ужасно рад, что она так из-за его отъезда переживает.

– Все, успокоилась?

– Да, конечно.

Ничего не успокоилась и, значит – радость, радость! – любит его, все так же любит Анечка-детка своего взрослого папу-мужа.

– Вот и умница, успокоилась. Не плачь больше, хорошо?

– Да, конечно.

– Я пойду?

– Да, конечно, иди. Я сейчас завтрак...

– Я сам могу сварить себе кофе.

Повернулся и пошел из спальни. Но как же он рад, хоть и изо всех сил притворяется, что расстроен: плечи сникли, голова опущена. Зачем же маскировать радость под виноватую грусть? Радует, ну и радовался бы откровенно.

Ну зачем, зачем она про него так плохо думает? Вовсе он и не рад, просто... Просто так расстраиваться по поводу предстоящей разлуки Кирилл не может, как она, потому что у него есть другие заботы, взрослые заботы, настоящие, взрослые дела, а у нее нет никаких таких забот и дел, только Кирилл, ее Кирочка, потому что она маленькая бездельница и иждивенка (так сказала Раиса Михайловна однажды Кириллу вполголоса, в другой комнате, так, чтобы услышал только он, но и она услышала и... Да ведь это действительно так. Кто же она еще, как не бездельница и иждивенка?)

Аня поднялась с недозаправленной кровати, накинула халат, вытерла слезы и пошла на кухню готовить завтрак. Впрочем, готовить завтрак – слишком громко сказано, по утрам Кирилл пил только кофе, иногда съедал бутерброд, да и то лишь чтобы ее не обидеть, ведь она

вставала утром вместе с ним и готовила – нарезала не очень ровными ломтями колбасу и сыр – специально для него.

Кухня в их новой квартире была огромной, да и вся квартира была огромной и просто сказочно великолепной: три большие комнаты, все отдельно, высокие, почти пятиметровые потолки, толстые, звуконепропускаемые стены. Дом, в котором располагалась квартира, был построен в девятнадцатом веке, недавно его реставрировали и продали какой-то крутой фирме по недвижимости. Раньше здесь находились какие-то конторы. Больше всего Кирилла прельстила табличка на фасаде: «Памятник архитектуры... Охраняется государством». Так прельстила, что даже цена не смутила, судя по всему, совершенно сумасшедшая цена. И центр города прельстил, и огромные комнаты прельстили, и тихий, укромный дворик прельстил, но главное – табличка. Раньше они жили в блочной шестнадцатиэтажке, населенной преимущественно спившимися бывшими передовиками производства, их детьми и внуками. За картонной стеной их спальни располагался наркопритон: несовершенная звукоизоляция давала возможность быть незримыми свидетелями всех стадий нарконаслаждений ежедневных клиентов соседки и наркоторговки бабы Любы. Примерно два раза в месяц неублаженные наркоманы вышибали дверь Любиной квартиры, и тогда с самого утра она приходила к Кириллу со слезными просьбами посидеть у нее, пока она сбегает в хозтовары за новым замком и в жэк за слесарем. Кирилл всегда отказывал, Люба обижалась, но проходило две недели, и все повторялось.

Аня сварила кофе, сделала бутерброды. Кирилл, вымытый, выбритый, одетый в костюм и при галстукке, появился на пороге кухни.

– Готов к труду и обороне, а также к приему пищи! – Он шутливо отдал ей честь.

– Садись, раз готов. – Аня улыбнулась – хотела непринужденно и весело, вышло грустно, и в глазах опять затуманилось. Она откашлялась, чтобы голос не дрожал, и заговорила нарочито озабоченно: – Не представляю, как успеть все до вечера. Наверное, надо было новоселье отложить до твоего возвращения. Одних книг сколько – пяти часов не хватит разобрать. И посуда почти вся в коробках, только чашки да ложки достали.

– Книги сегодня совсем необязательно разбирать. Снеси так, как есть, стопками в библиотеку. Ту, дальнюю, третью комнату мы ведь под библиотеку думали?

– Да, я помню.

– Ну вот. И потом, я ненадолго, приду часа через два, максимум через три, и тебе помогу.

– Да ладно, дело не в том. – Аня вытащила из кармана скомканный, мокрый платок, вытерла покрасневший, расхлупавшийся не ко времени нос. – Аллергия, все эта пыль...

– Ну не расстраивайся ты так, Анечка... Ну маленький мой, ну что ты?

– Нет, нет, я не то... это не то, не то. Ты кушай, опять один кофе хлебаешь, желудок испортишь.

– Я ем. – Кирилл снял с бутерброда сыр, положил себе в рот, хлеб вернул на тарелку. – Извини, не могу. По утрам совершенно нет аппетита. Я потом у нас в баре что-нибудь перехвачу.

– Как хочешь.

– Не сердись. – Он ей улыбнулся и погладил по руке, в которой был зажат мокрый комочек носового платка.

– Я не сержусь. За что мне сердиться?

В самом деле, за что? За три недели Америки? За его радость, спрятанную под маской виноватости? Да она и не сердится, просто...

– Ну, Анют, мне пора. – Кирилл поднялся из-за стола. – Ты бы сама хоть что-нибудь съела.

– Я потом, сейчас не хочется.

– Вот видишь, а меня заставляла. Я недолго, часа два. – Кирилл наклонился и поцеловал ее. – Все. Убегаю.

- Да, конечно.
- Ты что, опять плачешь? – Кирилл остановился на пороге.
- Нет. – Аня всхлипнула. – Просто...
- Ну что опять? – Кирилл в раздражении щелкнул костяшками пальцев.
- Ничего. Просто я... Ну неужели нельзя все отменить? Я не могу, не могу! – Слезы уже откровенно, не прикрываясь аллергией, закапали на пол.
- Что отменить? Мне нужно съездить на работу, я уезжаю на три недели. Как же ты не понимаешь?
- Я не о том. Это ты не понимаешь. Я... Зачем, зачем было устраивать это новоселье сегодня, в последний вечер? Эти люди, твои знакомые, они совершенно ни к чему. Я не хочу, не хочу! Я хотела вдвоем, а ты... Последний вечер...
- Вдвоем? Ты хотела вдвоем? – Радость, уже откровенно, не маскируясь виноватой грустью, выплеснулась наружу. Он даже задохнулся от восторга, ее сдержанный, солидный, взрослый муж. – Ты правда хотела вдвоем? Анечка, Анечка, маленькая моя девочка, ну почему же ты такая глупенькая, почему ты не сказала об этом раньше?
- А сам, сам ты не мог догадаться?
- Ну Анечка, я же...
- Занят? Конечно, ты всегда занят.
- Да при чем здесь это?
- И потом, ты так хотел отметить новоселье, позвать народ.
- Да ничего я не хотел! Я просто думал... Я же не знал, что ты...
- Не знал? Думал? Неужели ты мог предположить, что я буду рада последний вечер убить на чужих, посторонних людей?
- Почему чужих? Это наши знакомые, наши общие знакомые, наши общие друзья.
- Никакие они не общие, они все... Они все меня ненавидят. Они все считают, что я тебе не пара, и ужасно жалеют тебя. Они думают, что я тебя окрутила.
- Анечка, Анечка, ну что ты говоришь? Все мои... нет, наши знакомые относятся к тебе с уважением, и никто ни о чем таком не думает. И потом, что значит окрутила? Скорее уж я тебя окрутил. – Кирилл обнял Аню и крепко прижал к себе. – Окрутил, отбил у твоих родителей, отбил у твоих акварелей, у твоих Брейгелей и у прочих Вивальди. Но Анечка, маленькая моя, эти гости, они ведь в конце концов уйдут, и мы останемся вдвоем.
- Когда они уйдут, времени совсем не останется, а утром ты уезжаешь, – еле слышно сказала Аня. – Ладно, беги, ты, наверное, опаздываешь.
- Да нет, мне не ко времени. Просто думал пораньше освободиться, чтобы тебе помочь.
- Вот и иди.
- Иду. Только ты не расстраивайся. Хорошо?
- Хорошо. Иди. У меня тоже много дел.
- Кирилл ушел. Проводив мужа до двери, Аня вернулась на кухню, налила себе кофе и закурила сигарету. Работы действительно было невпроворот: разобрать вещи, убраться в квартире, так до конца и не отошедшей от ремонта, а потом, когда Кирилл привезет продукты (он обещал заехать по дороге в магазин), наготовить закусок на уйму народу. Целый день беготня и суета, вместо того чтобы... А завтра Кирилла уже не будет.
- Ну и пусть, ну и пусть. Жила же без него до семнадцати с половиной лет и даже думала, что счастлива. И сейчас прекрасно проживет. Пусть улетает в свою дурацкую Америку.
- Она бы на его месте никуда не поехала, не бросила его.
- Да и он не бросает, просто едет. Потому что он взрослый, потому что у него дела. Он столько надежд возлагает на эту поездку, каких-то непонятных ей надежд. А мама-то его как обрадовалась, когда решилось, что летит именно он. Понятно, почему обрадовалась: три недели разлуки – огромный срок, кто знает, что может произойти за это время? Встретит там

какую-нибудь американку, взрослую, состоявшуюся во всех отношениях, ему под стать, и тогда – счастье, счастье! – избавится наконец их семья от дармоедки, бездельницы, фарфоровой куколки. Или сама дармоедка, бездельница, фарфоровая куколка в отсутствие мужа, гуляя по парку от безделья своего дармоедского, встретит кого-то себе под стать, такого же фарфорового мальчика. Ее бы воля, она сама привела бы ей какого-нибудь мальчика, только чтоб убиралась и оставила ее сына в покое. Как же Раиса Михайловна ее ненавидит! А впрочем, она любую бы Кирюшину жену возненавидела, любую, моложе двадцати и не имеющую отношения к журналистике. У них в семье, видите ли, все всегда были журналистами. Сама Раиса Михайловна преподает на журфаке, и муж ее преподавал на том же журфаке. И все бабушки и дедушки так или иначе имели отношение к газетному делу.

А тут затесалась паршивая овца – Анечка-куколка, Анечка-ребенок, Анечка – безмозглая акварельщица, даже не художница толком, а так, малюет картиночки, как дети малюют. Ну и при случае на скрипочке может спиликать, что-нибудь за шестой класс музыкальной школы для не особенно продвинутых. Ни профессии, ни образования, ни таланта. А тут ее сын – Кирилл Соболев, лучший из лучших, самый-самый. И все его знакомые и друзья лучшие из лучших и самые-самые.

Ну и пусть, ну и пусть. Нет ей никакого дела ни до его мамы, ни до его друзей. У нее есть Кирилл, которого она очень, очень любит, несмотря на Америку! И вообще пора приниматься за дела.

Аня затушила окурок, поднялась и пошла в ванную, пустила воду. По утрам она любила подолгу отмокать в ванне, додумывать недодуманные мысли, составлять планы на будущее и просто лежать, расслабившись, в теплой пенной воде – вода ее удивительно успокаивала.

А послезавтра Кирилла уже не будет, и никакая вода ей не поможет. Потому что... без него ничего не поможет. А сегодня долго лежать нельзя, потому что дела.

Почему ему не пришло в голову взять ее с собой? Разве бы она ему помешала? Она бы сидела в гостинице, пока он ходит на свои встречи и приемы, или как там все это будет называться? А по вечерам они бы были вместе. Что делать ей теперь вечерами без него? Ну а днями что делать? Если бы она где-нибудь работала, было бы проще пережить, переждать. Это Кирилл настоял, чтобы она дома сидела безвылазно, чтобы уж окончательно превратить ее в куклу. А ведь она вполне бы могла освоить верстку. Или дизайн. И тогда они были бы вместе и днем, работали бы вместе, занимались бы одним делом. И Раиса Михайловна хоть в какой-то мере была бы удовлетворена. И не считала бы ее бездельницей и иждивенкой. И друзья Кирилла смотрели бы на нее совсем по-другому. И их разговоры не были бы для нее такими чужими. И сегодняшнее новоселье в последний вечер не казалось бы таким ужасным. Да, может, и последнего вечера бы не было, потому что в Америку они полетели бы вдвоем.

Аня выключила воду, залезла в ванну и немного посидела, расслабляясь. Затем намылила голову. И тут услышала, как в дверь позвонили.

Странно, кого могло принести в такую рань? Еще, наверное, и десяти нет. Конечно, это кто-нибудь совсем ненужный, из какого-нибудь жэка или еще откуда-то в этом роде. У Кирилла ключи, он бы звонить не стал, да и рано ему еще, он и до редакции доехать вряд ли успел. Может, не открывать?

Но в дверь звонили настойчиво, будто точно знали, что хозяйева дома и обязаны открыть.

Наверняка это Раиса Михайловна. Не открывать ей нельзя. Вот ведь принес черт с утра пораньше. Или это Кирилл позвонил ей, попросил помочь в благоустройстве квартиры?

Аня вылезла из ванны и, накинув на мокрое тело махровый халат, пошла открывать.

К счастью, это оказалась не Раиса Михайловна. На пороге стояла Ирина. Из всех возможных вариантов – самый приемлемый вариант. Она была единственным человеком из окружения Кирилла, кто не относился к ней, к маленькой девочке Анечке, как к маленькой, не презирал ее, не ненавидел, не ставил на место издевательскими подарками типа шоколадных

зайчиков и мягких игрушек. Кирилл с Ириной учились вместе на журфаке, и, кажется, в тот период у них было нечто вроде романтических отношений, во всяком случае, так считала Аня, а потом, видимо, что-то разладилось, Ирина вышла замуж и уехала в другой город. Но и с мужем у нее разладилось, и год назад, после грубого, некрасивого разрыва и скандального развода, она вернулась. Кирилл взял ее в свой «Криминальный город», и теперь она вела рубрику «Отзовись». Люди, потерявшие при различных трагических обстоятельствах своих знакомых и родственников, обращались в газету. Душещипательные истории их печатались в этой рубрике, а потом, по прошествии некоторого времени, и ответы счастливых отыскавшихся потерянцев. Аня подозревала, что письма эти большей частью выдумывались самой Ириной, но читала с большим интересом.

– Привет, Анютка. – Ирина улыбнулась Ане приветливо и шагнула в квартиру. – Меня Кирилл отрядил тебе помочь. Даже на весь день с работы отпустил, представляешь?

– Здравствуй. Проходи. Ты его видела сегодня?

– Нет, он мне позвонил и отправил к тебе. Сказал, что и сам часикам к двенадцати поедет.

– Да, я знаю. Ну пойдем. Выпьешь кофе? Я сварю, если хочешь.

– С удовольствием. Я и позавтракать не успела.

Они прошли на кухню. Аня сварила кофе, придвинула тарелку с бутербродами, оставшимися от завтрака, и нерешительно затопталась на пороге.

– Садись, чего стоишь? И сама кофейку выпей за компанию. – Ирина взяла с тарелки бутерброд. – Ты завтракала? Что у тебя с головой? – Она, прищурившись, посмотрела на Аню.

– Завтракала. А с головой... Видишь ли, ты когда позвонила, я была в ванной, только намылилась, а тут...

– Ну иди домывайся. Я сама разберусь, если чего не хватит. – Ирина засмеялась легким, веселым смехом. – Иди, иди, а то вода остынет.

Вода не остыла, но сделалась отчего-то мутной и грязной на вид, и пена съелась. Аня вытащила пробку за цепочку, залезла в ванну и встала под душ. Все удовольствие было испорчено. Да и мыться, когда в квартире посторонний человек, как-то неловко. И чего это Кириллу пришло в голову звонить Ирине? Сама бы прекрасно справилась. А теперь она проторчит до вечера, и, значит, вдвоем им вообще сегодня не удастся побыть. И день украден, последний день.

Наскоро сполоснувшись под душем, Аня вытерлась, просушила волосы феном и вышла из ванной. Ирина на кухне поела бутерброды и разгадывала кроссворд из журнала «Отдохни». Где она его взяла, непонятно, с собой принесла, что ли? У них в квартире таких журналов никогда не водилось.

– С легким паром! – Ирина отложила журнал и улыбнулась Ане.

– Спасибо. – Аня села на край табуретки и закурила. Курить ей сейчас совершенно не хотелось, но нужно было хоть что-то делать, не сидеть же просто так истуканом и молчать. О чем говорить с Ириной, она не знала и очень тяготилась молчанием. С ней, конечно, было намного проще, чем с другими знакомыми Кирилла, но все же, все же... Скорее бы уж начать работать, разбирать вещи, убирать, тогда и тему для разговора подыскивать не придется, разговор и не потребует, общение будет состоять из необходимых, естественно возникающих реплик: «Это куда положить?» – «Да в шкаф».

– Ну что, приступим? – Ирина доела бутерброд, допила кофе и весело посмотрела на Аню. – Я в полном твоем распоряжении. Командуй – ты хозяйка.

Командуй! Легко сказать. Как она будет ею командовать?

– Думаю, начать лучше с коробок. В них посуда и всякие мелочи. И еще книги надо разобрать, хотя... Нет, книги я завтра сама, это очень долго. Просто снесем их в дальнюю комнату, там у нас будет библиотека. Ну а потом пропылесосить, и все.

- С этим ясно. А что ты собираешься готовить для предстоящего мероприятия?
- Я думала наделать много-много различных бутербродов, красиво их оформить. Ну и... не знаю, может, салатик какой-нибудь. Оливье, например, или из тунца.
- Бутерброды и оливье, значит? – Ирина задумалась. – Нет, это не очень хорошая идея.
- Почему? Я люблю оливье!
- Его все любят. Но дело не в этом. Оливье – это плебейская радость и... В общем, нужен размах, полет фантазии, если не своей, то хоть позаимствованной из журнальных рецептов.
- У меня нет никаких таких журналов.
- А должны быть. Каждая уважающая себя жена в первую очередь обзаводится необходимой литературой. – Ирина подняла указательный палец и назидательно потрясла им в воздухе.
- Хорошо, я обзаведусь. Но сейчас-то что делать?
- Есть у меня на примете пара неплохих рецептов. Вот например: жареный гусь с манго и ромом. Как тебе? Впечатляет?
- Не знаю. Это, наверное, невкусно.
- Наверное, но зато налицо размах и фантазия. Или вот еще: утка с квашеной капустой и апельсинами. Не хочешь? Ну тогда говядина с можжевельником и душистым перцем. Как?
- Ничего. Только я не знаю, где взять можжевельник. Я вообще слабо представляю, что это такое.
- Ну хорошо, тогда жаркое из телятины с горошком, цветной капустой и помидорами. На мясное. А на рыбное...
- Селедку под шубой?
- Господи, Анют! Ну что за пролетарские у тебя представления о праздничном столе? Нет, мы приготовим вот что: лососину с ананасами. Я, кстати, это блюдо пробовала, очень ничего, и ананасы почти не чувствуются.
- Зачем же тогда их туда засовывать?
- Для шику.
- А на сладкое испечем карамелевый торт. К карамелевому торту у тебя претензии есть?
- Да нет, по-моему, это неплохо.
- Ну и прекрасно. Бутербродов, кстати, тоже можешь сделать, как дополнение, а не основное блюдо.
- Боюсь, что все это мы не успеем. Еще же уборка.
- Успеем. Распределимся и успеем. Я тебе список сейчас напишу, пойдешь в магазин, я тем временем коробки разберу, а потом ты пылесосить будешь, а я готовить.
- В магазин... Я не знаю... Кирилл обещал по пути заехать.
- Нет, это нам не подходит, сколько мы его будем ждать? Да и купит он все не то. Дайка мне какую-нибудь бумажку, список напишу.
- Аня вышла в прихожую, где на полу были свалены подшивки газет, книги и какие-то исписанные листки – то ли старые Кирилловы черновики, то ли проекты каких-то документов. Порывшись немного в этом бумажном хламе, она нашла свою записную книжку и маркер.
- Вот, возьми. – Она протянула Ирине блокнот. – Или, может, наоборот сделаем: ты в магазин, у нас недалеко супермаркет, а я вещами займусь?
- Да я и не знаю, где тут ваш супермаркет. Нет, ты иди в магазин, а мне проще с коробками.
- Ну хорошо. Я тогда пошла одеваться.
- Иринино предложение ей не очень понравилось. Она не любила, когда кто-то чужой трогал ее вещи, их с Кириллом вещи. А тут Ирина собиралась хозяйничать, расставлять по своему усмотрению, по своему вкусу. Потом и не найдешь ничего, все придется переделывать.
- Аня оделась и вышла из спальни. Ирина стояла в прихожей и рассматривала коробки.
- Возьми. – Она отдала ей список продуктов. – Деньги у тебя, надеюсь, есть?

– Есть.

– Ну иди. Что здесь, в этих коробках? – Ирина толкнула одну из них ногой. Внутри что-то жалобно всхлипнуло.

– Осторожно! Кажется, хрусталь.

Какая же она неловкая, наверняка что-нибудь разобьет.

– Слушай, может, я все же сама с вещами?

– Нет, нет, иди, мне так удобнее.

Настаивать дальше было бесполезно. Аня вздохнула, посмотрела с тревогой, как Ирина тащит коробку с каким-то очередным стеклом (только бы там были не Кирюшины коллекционные бокалы с кораблями), и вышла из квартиры.

...Огромный супермаркет располагался за углом, в двух шагах от их дома. Закупив по списку продукты, Аня загрузила их в большую хозяйственную сумку, поставила ее на тележку и, помятая недобрым словом Ирину, покатила это стыдное, валкое сооружение домой. Кирилл бы прекрасно все привез на машине, и не пришлось бы позориться с дурацкой тележкой. А ведь все это еще предстояло втащить на пятый этаж. И лифт пока не работает в их недозаселенном памятнике архитектуры. Может, во дворе кто-нибудь встретится, поможет? Просить ужасно неудобно, но одной с такой тяжелой сумкой не справиться. И зачем только Кирилл позвонил Ирине? От нее одни неприятности. И так все плохо, а тут еще ее навязали.

Аня вкатил тележку во двор, огляделась – никого, пуст двор, и никакой надежды на помощь. Ну и что теперь делать? Сидеть на скамейке и ждать Кирилла? Так можно полдня прождать. Позвонить из автомата и попросить Ирину спуститься? Нет карточки. Жаль, что не догадалась захватить с собой мобильник.

Ладно, придется самой справляться.

Аня взяла в одну руку сумку, в другую – тележку, толкнула дверь ногой и вошла в подъезд.

Даже сейчас, в таком недоблагоустроенном виде, здесь было так неправдоподобно, так не по-русски чисто, что хотелось разуться. Нет, не зря Кирилл купил квартиру в этом доме, действительно не зря. А потом, когда раскупят остальные квартиры, заработает лифт, посадят консьержку, так Кирилл говорил. Даже цветы на подоконники обещают поставить. Здесь уже точно никому не придет в голову бросать окурки на пол и мочиться в пролеты, как в их муравейнике. И притон не устроят, и бомжи ночевать не придут к батареям подъезда.

Но лифт могли бы и теперь пустить.

На каждом этаже Аня останавливалась и подолгу отдыхала. Но, дотащившись до четвертого, поняла, что больше идти не в состоянии. Она уселась прямо на тележку, а сумку прислонила к стене.

Нужно перевести дух и подняться за Ириной, ее идея была закупаться без Кирилла, вот пусть теперь и помогает. Глупая идея, дурацкая идея. И распределение дел дурацкое: ей идти в магазин, а Ирине разбирать вещи. Наверняка она там что-нибудь разбила. Так неуклюже тащила коробку. Только бы там не оказались Кирюшины бокалы.

А впрочем, черт с ними, сам виноват, не надо было эту Ирину в помощницы ей навязывать. От нее только одни неприятности. И будет же до самого вечера торчать, дурацкие какие-то блюда готовить. Последний день испортит окончательно своим присутствием.

Щелкнул замок. Так громко, так неожиданно щелкнул, что Аня вздрогнула. В квартире напротив приоткрылась дверь. Всего лишь на маленькую щелочку приоткрылась и замерла.

Странно, почему никто не выходит? Если открыли, значит, хотели выйти. Но почему не выходят? Наблюдает за ней?

Да нет, глупость какая! С какой стати за ней кому-то наблюдать?

Кто живет в этой квартире?

Да кто? Соседи. Просто соседи. Какие-то соседи. Потом они познакомятся с ними. Наверное, вполне приличные люди, уж конечно не алкоголики и не наркоманы. Здесь, в этом доме с табличкой, в элитном доме с гордой табличкой: «Памятник архитектуры... Охраняется государством» не могут жить неприличные.

Но почему никто не выходит?

Мало ли почему? Открыли дверь, а потом вспомнили, что что-то забыли, вернулись в комнату...

Нет, там кто-то стоит. И смотрит. Да, это за ней наблюдают.

Ну и пусть. Поздороваться и пойти дальше.

Аня кивнула щели, подняла сумку и тележку и хотела уже продолжить мучительное восхождение с тяжестями на свой этаж, как дверь странной квартиры распахнулась полностью, и на площадку вышла старуха в черной, не то траурной, не то какой-то монашеской одежде. Старуха приблизилась к Ане и жалостливо на нее посмотрела.

– Из двадцатой квартиры? – Женщина задумчиво покачала головой.

– Из двадцатой. – Аня в растерянности смотрела на нее. Какая она неприятная и... и странная. Желтое, морщинистое лицо и этот черный наряд. Настоящая гойевская старуха. Как неприятно и страшно будет жить с ней по соседству. Каждый день проходить мимо ее квартиры. Наверное, она ужасно навязчивая, каждый раз будет подлавливать ее и разговаривать.

Пожалуй, соседство с наркопритоном даже предпочтительнее.

– Я так и думала. – Старуха горестно вздохнула. – Еще когда мебель вносили, я знала, что в этой квартире поселится такая вот девочка, но все же надеялась: а вдруг ошиблась? Не ошиблась, значит. Так и есть. Так и есть.

– Простите, мне нужно идти.

– Идти? Туда? В квартиру?

– Ну да. – Аня совсем растерялась, старуха ее пугала. – У нас сегодня новоселье и... в общем, очень много дел...

– Новоселье? Поторопились вы с новосельем.

– Почему поторопились? Простите, мне действительно пора.

Сумасшедшая, вот оно что. Гойевская сумасшедшая старуха. Ну надо же, чтоб так не повезло с соседями.

– Пора... Все правильно, все так. Ему снова пора прийти. И надеялась я напрасно. Пора наступила: ты появилась, значит, и он скоро появится. – Старуха ухватила Аню за рукав, словно боялась, что она сбежит.

– Кто появится? Я тороплюсь. Мне нужно идти. Пустите. – Аня попыталась выдернуть руку.

– Никуда тебе не нужно, милая. Ничего тебя там хорошего не ждет, в твоей квартире. Пойдем-ка лучше ко мне, я тебе кое-что расскажу. И покажу. – Старуха потянула ее к своей двери. – Чайку попьем, поговорим.

– Нет, нет, спасибо, я и так уже очень задержалась. Извините, может быть, в другой раз.

– В другой раз? – Женщина засмеялась неприятным, каркающим смехом. – До следующего раза ты можешь и не дожить. Изверга ведь так и не нашли. Как знать, не придет ли он снова? А он наверняка придет, все сходится.

– Какого изверга? Что сходится? – Аня в ужасе смотрела на старуху.

– Они занимали весь верхний этаж, Семеновы, а ты так похожа на Наташечку, на дочку их, очень похожа. Изверг снова придет, не может не прийти.

– Кто занимал весь верхний этаж? Никто не мог занимать весь верхний этаж, дом только заселяется, а раньше здесь было какое-то учреждение, никто не жил. И вы... откуда вы можете знать... Вы разве давно здесь... Да нет, давно вы не можете, только два месяца назад дом стал заселяться.

– Я жила здесь всегда. Этот дом – мой.

Сумасшедшая, просто выжившая из ума старуха. И не надо ни о чем ее спрашивать. Резким движением вырвать руку и убежать к себе, за сумкой потом Ирину послать.

– Но беда вся в том, что на Наташечку ты похожа как две капли воды. Если бы я сама тело ее, душегубом истерзанное, тогда не видела, подумала бы... А крови-то, крови сколько было! Они весь верхний этаж занимали, Семеновы. Наташечку в квартире нашли. Она ведь почти никуда не выходила, все дома сидела.

– Какая Наташечка? – Вырвать руку и ни о чем не спрашивать.

– Девочка, душегубом растерзанная, Наташа Семенова. Изверга не нашли. Он снова придет. Ты ведь похожа-то, господи! Как две капли воды. Пойдем ко мне, выпьем чайку, я тебе покажу Наташечку. Фотография старая, но разобрать можно.

– Да отпустите вы мою руку! И... и прекратите нести этот бред! – Аня вырвала руку и ухватилась за сумку, как за спасение. Нужно уйти и не слушать. Сумасшедшая бабка! Откуда она вообще здесь взялась? Квартиры дорогие, элитный дом, а эта... Наверняка чья-то мать. Или бабушка.

Чертова старуха.

– Нет, голубушка, это не бред. Вот ты вся дрожишь, значит, и сама не веришь, что бред.

– Но что же тогда? И не дрожу я вовсе, а просто...

– И побледнела как. – Старуха снова ухватила ее за рукав куртки.

– Да ничего я не побледнела, а просто... Ну хорошо. Вы хотите сказать, что в нашей квартире, то есть в квартире, которая теперь наша, произошло когда-то убийство?

– Убийство. – Старуха всхлипнула и закивала головой часто-часто. – Никто не видел, как он входил. Его вообще никто не видел. И, как Наташечка кричала, никто не слышал. А ведь она должна была кричать: все тело изверг ее искромсал, на куски порезал. Он еще придет. За тобой придет. Его Наташечка пошлет, ей без подружки скучно.

– Но что же мне делать?

– Уезжать. А новоселья не надо. Это квартира Наташечки.

Старуха наконец выпустила Анин рукав, повернулась и пошла к своей квартире. Хлопнула дверь, лязгнул замок – заперлась. До следующего раза. Теперь, конечно, она не даст ей покоя, изведет своими бредовыми сказками. Да ей ведь уже и теперь страшно.

А Кирилл уезжает. Оставляет ее один на один с сумасшедшей старухой.

А она сумасшедшая, это же ясно.

Или не сумасшедшая?

Нет, сумасшедшая. И все, что она говорила, – бред один.

Или не бред? Может, действительно... в их квартире...

Нет, этого быть не может. Никто до них там не жил, разве что...

Разве что в этом самом девятнадцатом веке, когда был построен их памятник архитектуры, будь он неладен. Но ведь тогда старуха не могла жить.

Или могла?

«Я жила здесь всегда».

Бред какой-то! Ну можно ли верить этому бреду?

Конечно, нельзя! Но...

Аня подняла сумку и тележку со ступенек и оглянулась на дверь, за которой скрылась старуха (наверняка она стоит там и прислушивается). Настроение окончательно испортилось. Новоселье, которое и так-то не радовало, и отъезд Кирилла, который и так воспринимался как катастрофа, теперь представлялись ей прелюдией к кошмару и ужасу.

Зачем, зачем они переехали в этот чертов дом? Зачем переехали накануне его отъезда? Как только Кирилл улетит в Америку, все и начнется.

Да нет, все уже началось.

Аня поднялась по ступенькам и остановилась у своей квартиры.

Ну вот, ей уже не хочется туда входить. Страшно и... А ведь там Ирина. И день. И Кирилл скоро с работы вернется. А вечером вообще толпа народа соберется. Что же будет, когда она останется одна, маленькая, несчастная, запуганная черной старухой Аня?

Нужно рассказать все Кириллу. Попросить, чтобы не уезжал.

Нельзя просить, нельзя ни о чем рассказывать. И так ее все дурой считают, маленькой, бесполезной дурочкой. А тут еще окажется, что дурочка сбрендилась. То-то Раиса Михайловна обрадуется. И все они обрадуются, все друзья и знакомые Кирилла. Даже Ирина, и та обрадуется. Нет, нельзя просить, нельзя рассказывать.

Но как же прожить три недели в этой квартире без Кирилла?

Изверг снова придет. Изверг вернется. Все сходится.

Надо было принять предложение. Надо было пойти к ней на чай. И все узнать поподробней. И на Наташечку эту посмотреть: действительно ли она на нее похожа.

Сумасшествие заразительно. Нет никакой Наташечки, нет никакого изверга. Нет и не может быть!

Аня решительно позвонила в дверь. Открывать своим ключом она не стала. Ей почему-то представилось, что именно так в квартиру попал убийца: тихонько, чтобы не скрежетал замок, вставил ключ, повернул его и вошел... Может, ключ, который лежит у нее в кармане, тот самый, которым воспользовался убийца. Неизвестно ведь, когда это убийство произошло, а если недавно? Замок в двери только один, и нет следов, что его переставляли.

– Где ты так долго? – Ирина встретила ее с мокрой тряпкой в руках. – Я уже все ваши посудо-хрустальные коробки разобрать успела, книги в библиотеку перенесла, теперь вот пыль вытираю... Что-то случилось? – Она внимательно посмотрела на Аню. – Да на тебе просто лица нет. Что с тобой? Кошелек, что ли, в магазине увели?

– Н-нет... я... – Аня шагнула в свою страшную новую квартиру. Хорошо, что здесь Ирина, одна она ни за что не решилась бы войти.

– Но ведь что-то произошло, я вижу. – Ирина бросила тряпку и взяла Аню за плечи – сумка больно прижалась к ногам, и тележка впиалась в бедро.

– Нет, ничего, все нормально. – На глаза навернулись слезы. Аня высвободилась от Ирины, поставила сумку и отвернулась. Присев на корточки, долго развязывала кроссовки. Нужно взять себя в руки и успокоиться, нельзя про старуху рассказывать: Кирилл все равно улетит, а Ирина...

– Ну точно, кошелек увели! Сколько там у тебя было? Много?

– Да нет же! Ничего у меня не увели. – Кроссовка никак не развязывалась, шнурок запутался узлом. Слезы закапали на пол. Аня всхлипнула и дернула изо всех сил шнурок.

– Анют, эй! Ты чего? – Ирина присела на корточки рядом с ней. – Ты плачешь? Анютка, ну что с тобой? – Она обняла ее и прижала к себе, как тогда, в спальне, Кирилл. – Ну расскажи, что случилось?

– Я... я не... Нет, ничего, ничего, просто... Кирилл уезжает. Я никогда... мы никогда так надолго... Да ерунда, я сейчас успокоюсь, что-то нашло на меня.

– Так ты из-за Кирюши? Господи, Анечка, совсем ты малышка. Ну кто же так по мужу убивается? Не навек же он уезжает. Через две недели вернется.

– Не через две, через три.

– Ну... какая разница? Через три.

– Очень большая разница. И потом... Я никогда, никогда... Я... – Аня заплакала в голос. – Я без него не смогу.

– Да брось! Нашла из-за чего расстраиваться. Взрослей нужно быть. Совсем ты ребенок. А хочешь, мы с тобой без него гульнем? Нет, в самом деле, это идея. Действительно, чего тебе

все в квартире киснуть? Только дом и Кирилл, ничего-то ты больше не видишь. А мы с тобой вот возьмем и кутнем на всю катушку.

– То есть как кутнем?

– Ну, в гости к кому-нибудь ходим.

– В гости? К кому? Без Кирилла? Я не хочу без Кирилла.

– Да в том-то и суть, что без Кирилла. Развлечемся, развеемся. Ну что ты как маленькая?

– Нет, я не хочу.

Как может Ирина предлагать ей такое? Это же... Да она в сговоре с Раисой Михайловной. Хочет рассорить ее с Кириллом, хочет подсунуть ей мальчика в пару...

Нет, вряд ли они в сговоре. Да и Раиса Михайловна все же не стала бы так прямолинейно действовать. Просто Ирина хочет ее утешить и... развеять. С ее точки зрения в этом нет ничего такого. У нее самой чуть ли не каждую неделю новая любовь. Правда, все неудачные... Но... это ведь не ее вина, просто ей не везет в личной жизни.

Она добрая и хорошая, она хочет утешить.

Она добрая и взрослая, она может утешить.

Надо ей рассказать про старуху. Только ей рассказать. И попросить, чтобы Кириллу ни слова. Потому что... Нельзя, чтобы он не летел в Америку. Это подло и плохо. А Ирине рассказать можно. И нужно. Нужно выговориться. Иначе... Иначе она все равно не выдержит и расскажет Кириллу, а этого делать нельзя. Кирилл должен лететь.

Кирилл улетит, и все кончится.

Нет, начнется. Кошмар.

Он уже начался.

– Аня, ну что ты опять плачешь? Не хочешь так не хочешь. Я же только предложила.

– Я... Я не то, я не то... Ты не знаешь, кто жил здесь до нас?

– Где жил?

– В этой квартире?

– Никто, насколько я знаю. А почему ты спрашиваешь?

– Я... Мне страшно... Я не смогу, не смогу...

Всхлипывая и вытирая рукой мокрое лицо (платок лежал в том же кармане, что и ключ, и потому воспользоваться им она просто физически не могла), Аня рассказала про старуху и про то, что та ей говорила. Она очень надеялась, что Ирина просто посмеется над ней, отнесется к ее рассказу как к детскому, глупому ужасу, придуманному ребенком в темной комнате, – тогда все ее страхи действительно ерунда, – а потом начнет утешать. Но Ирина отнеслась ко всему очень серьезно. И совсем уж не думала смеяться.

– А она не сказала, когда произошло убийство? – озабоченно спросила она, как только Аня закончила.

– Не сказала. Ты думаешь, убийство в самом деле могло быть?

– Не знаю. Может, маньяк какой-нибудь орудует.

– Но ведь дом-то только заселили, да и то не полностью. И раньше здесь никто не жил.

– Ну... может, когда он перестраивался, какой-нибудь маньяк, ну или просто псих, затащил девушку на стройку.

– Старуха говорила, что они занимали целый верхний этаж, Семеновы эти. Занимали – значит, жили. Не в недостроенном же доме они жили.

– Да, в недостроенном жить не могли. – Ирина на минуту задумалась. – Может, старуха что-нибудь спутала, в голове у нее все перемешалось, вот и представилось ей, что жило здесь какое-то семейство, а на самом деле просто маньяк на стройку затащил... Или, может, до вас здесь все-таки кто-то жил, совсем недавно, ну а потом съехали, после убийства. Надо у Кирилла спросить.

– Нет, Кириллу не нужно ничего рассказывать. Он только расстроится, а ему завтра ехать. И вообще никому не говори.

– Но, Аня, это может быть действительно серьезно. То есть, скорее всего, нет, но мало ли что? Или, хочешь, я схожу к этой старухе и поговорю? И родственники, должны же быть у нее какие-то родственники, как ты ее описала, не сама же она купила такую квартиру. Поговорю с родственниками: если старуха в самом деле сумасшедшая, то и обращать на нее внимание не стоит.

Они сидели на полу в прихожей. И потому звонок, раздавшийся внезапно, прозвучал особенно резко и неприятно. Аня вскрикнула и обхватила голову руками. Ирина нервно засмеялась, но, быстро справившись с собой, поднялась и открыла дверь.

Кирилл, нагруженный сумками, с огромным букетом роз, как-то тяжело ввалился в квартиру.

– Еле позвонить сумел: руки заняты, и букет колется. Привет, Ириш. Как ваши дела продвигаются? Совсем запарились?

– Да так, продвигаются. – Ирина забрала у него пакеты и положила на тумбочку.

– Это тебе. – Букет ткнулся Ане в лицо. – Ой, Анют, прости, я тебя не поколол?

– Нет, ничего, спасибо. – Аня притянула к себе Кирилла и поцеловала. Букет теперь ткнулся ему в лицо. Кирилл замахал руками, в шутку обороняясь:

– Убери, убери, это не розы, а какие-то кактусы.

– Давай я поставлю. – Ирина взяла букет, принесла из комнаты большую хрустальную вазу (самую Анину нелюбимую). – Я коробки со стеклом распаковывала, вы без меня ничего и не найдете. – Она засмеялась и унесла букет в ванную.

– Ты продукты купил? – Аня кивнула на груды пакетов на тумбочке. – Я тоже купила.

– Но мы же договаривались, что я по дороге заеду.

– Ну, у нас изменения вышли в меню. Ирина сказала... Но это ничего, продуктов много не бывает, потом не придется лишний раз идти в магазин, когда ты уедешь.

Кирилл разделся и направился в спальню.

– Свари, Анют, кофе. Я пока переоденусь. Перекусим, и за работу. Вы много с Иринкой успели сделать?

– Не очень. А вообще, не знаю. Я в магазин ходила.

Аня взяла пакеты и поплелась на кухню разбирать продукты и снова варить кофе, третий раз за сегодняшнее утро. Ей было слышно, как плещется в ванной вода, – это Ирина возилась с розами. Хорошо бы ее куда-нибудь усладить, хоть немного побыть с Кириллом вдвоем, осталось всего несколько часов прожить им вместе – ночь не в счет, а потом... Утро в аэропорту тоже не в счет. Собственно, с того момента, как прозвенит завтра будильник, и наступит окончательный конец. Они будут суетиться, по сто раз проверять, не забыли ли билеты и документы, торопиться в аэропорт, бояться пробок, бояться нелетной погоды. То есть это Кирилл будет бояться нелетной погоды, а она... Вчера весь день шел дождь и всю ночь лил, как знать, может, и завтра... В этом году вообще май дождливый. И тогда час, а может, и больше они выгадают. Они будут сидеть в зале аэропорта, тесно прижавшись друг к другу, и... И Кирилл каждую минуту станет смотреть на табло, прислушиваться к объявлениям, нервничать, вскакивать. Нет, пусть уж лучше никакого дождя не будет.

К семи часам стали собираться гости. Они все шли и шли нескончаемым потоком: парами, тройками, поодиночке и компаниями. Груда бесполезных подарков росла на тумбочке в прихожей: немислимого дизайна светильники, диких расцветок пледы и салфетки, бесчисленные наборы посуды. Последней пришла мать Кирилла, Раиса Михайловна, внесла в квартиру какой-то громоздкий предмет, обернутый в несколько слоев серой бумаги.

– Повесите в прихожей, – сказала она и сунула предмет в руки Кириллу.

Предметом, когда его оголили, оказалось массивное зеркало под старину в псевдопозолоченной оправе.

Вот только этого монстра им как раз и недоставало. А повесить придется обязательно и именно в прихожей. Пледы и светильники можно просто сгрузить в кладовку с глаз долой и постепенно раздарить неблизким знакомым на такие же случайные торжества, а с зеркалом так не получится: мамин подарок, как же!

– Спасибо, Раиса Михайловна. – Аня улыбнулась свекрови заискивающе. – Очень красивое зеркало, и оно очень хорошо будет сочетаться с общим дизайном прихожей.

Раиса Михайловна хмыкнула, поджала губы, будто Аня ее чем-то обидела или сказала глупость, и ничего не ответила.

– Отпадное зеркало! – Ирина вышла из кухни с каким-то блюдом в руках. – Здравствуйте, Раиса Михайловна.

– Здравствуй, Ириша. – Свекровь расплылась в улыбке. – Как у тебя дела? Давно мы не виделись.

– На личном фронте без перемен, а так все о'кей.

– С личной жизнью, – Раиса Михайловна вздохнула и сердито покосилась на Аню, – получается не у всех... А у тех, у кого получается... Ладно, что уж говорить. Ну, показывайте квартиру, – обратилась она к Кириллу, – я ведь у вас еще не была. Прихожая шикарная, да... Вот сюда зеркало повесьте. А тут у вас что?

Кирилл повел маму по новой квартире. Ирина унесла блюдо в гостиную и вернулась на кухню дорезать какой-то свой сложный салат. Аня пристроилась было ей помогать, но та услала ее к мужу и свекрови.

– Ты что? Неудобно. И фартукними. На кухне я сама справлюсь. Да ведь уже почти все готово. А ты иди, иди. – Она была в курсе их отношений с Раисой Михайловной.

Пришлось с кухни уйти. Но к экскурсии по их новой квартире Аня так и не присоединилась. Хотела проскользнуть в ванную и отсидеться там до начала застолья, но и тут вышел облом: ванная оказалась занята. Гости заполнили всю квартиру: торчали на кухне, теснились в прихожей, сидели вокруг стола в гостиной, просто бесцельно бродили из комнаты в комнату. От такого бесцеремонного наплыва гостей стало душно, дымно и шумно, а огромная квартира вдруг словно съежилась и значительно уменьшилась в размерах.

Потолкавшись из угла в угол, Аня снова вернулась на кухню – все-таки с Ириной ей было много проще, чем с остальными. Но оказалось, что приготовления закончились и пора усаживаться за стол (вернее, за три стола, сдвинутых вместе, – разместить такое количество народа было проблематично).

Сначала провозглашали длинные витиеватые тосты, восхищались квартирой, расхваливали на все лады хозяина, как журналиста и как человека, желали успехов в работе и личной жизни, спохватывались и отпускали натянутые комплименты Ане. Потом про Аню и вовсе забыли, а тосты стали короче и проще. А часа через два тосты и совсем прекратились. Теперь народ просто пил и закусывал, не очень уже и помня, по какому поводу банкет: то ли чей-то день рождения, то ли проводы кого-то куда-то, то ли их общий профессиональный праздник – все друзья, родственники и знакомые Кирилла были журналистами, и разговоры велись исключительно вокруг газетного дела вообще и еженедельника «Криминальный город» в частности.

– Ну и стоило их всех собирать именно сегодня, в последний наш день, – шепнула Аня на ухо Кириллу. – Можно было подождать и до 13 января.

– Да они уже скоро уйдут, потерпи немного, Анют. А не собирать народ неудобно, все же знают, что я купил квартиру.

Неудобно ему! Тратить последний вечер на этих чужих, пьяных людей – вот что неудобно. Она бы никогда, никогда так с ним не поступила. А Кирилл, он даже не понимает, что он сделал, может, это вообще их последний в жизни вечер. Он специально созвал их, чтобы

они хвалили его квартиру, его самого, его мамочку. А мамочка его, между прочим, надутая сволочь, а сам он, между прочим, никакой не лучший, а бесчувственный истукан, а квартира его, между прочим... В ней убийство произошло, вот что, и, возможно, произойдет еще одно. Вот взять сейчас, встать и всем им об этом рассказать. Поднять бокал, провозгласить тост за всеобщее процветание, а потом рассказать. И накроется тогда его Америка.

Нет, ничего не накроется. Просто все в очередной раз убедятся, какая дура его жена. И Раиса Михайловна убедится, и все эти надутые дураки – журналисты, и... и он сам.

– Что ты, Анютка, опять запечалилась? – Кирилл наклонился и украдкой, оглянувшись на маму, поцеловал ее в ухо.

Запечалилась! Словечко-то какое дурацкое подобрал. И губы у него мокрые, противные. И...

А Раиса Михайловна все же заметила, что он ее поцеловал, надулась, как мышь на крупу. Вот взять сейчас и на ее глазах поцеловать Кирилла в губы, взсос, обхватить затылок руками, чтоб не вырвался, и впитаться... поразить это сборище важных, самовлюбленных уродов. А главное – мамочку поразить.

О, запели! Ну конечно! Попойка вошла в новую стадию. И конечно, пресловутую «Мадам, уже падают листья». Ну можно ли петь Вертинского хором? И Кирилл вступил. Он и слов-то не помнит, он никогда ни одной песни до конца не помнит, помолчал бы уж лучше, не позорился.

Ну чего он ее коленкой под столом толкает? И улыбается, улыбается. Неужели он не понимает, что если уж до хорового пения дело дошло, то теперь гости еще долго не разойдутся! До глубокой ночи спевать будут. А утром уже все кончится, утром только аэропорт.

Допели «Мадам...». Переключились на закуски. За вилки, за рюмки схватились. Вот выпьют, поедят и запоют с новыми силами. Что будет следующим номером программы, догадаться нетрудно. Сейчас Антон Шелестян, главный перец после Кирилла в «Криминальном городе», второй по значению перец, выхватит из рук Сени Чулкова (отдел информации) гитару и начнет перестраивать шестиструнку на семиструнку, а Сеня будет ругаться. Но на Антонову сторону встанет сразу же Раиса Михайловна, ну а за ней и все остальные. Сеня ступается, уступит. Да чего он вообще каждый раз поднимает скандал, когда все равно результат предопределен? Только себя унижает.

Ну так и есть. Сейчас Антон при поддержке общественности отстоит гитару, и покажется вечер певческой самодеятельности по накатанной колее: «Гори, гори, моя звезда» – «красивым» баритоном солиста и нестройным хором подпевки, «Неистов и упрям» – возвышенно-печально, «Ваша благородие, госпожа удача» – самодовольно и со значением, «Охотный Ряд» – цветок в руку раисымихайловновской молодости.

А завтра утром...

– Куда ты, Анют? – Кирилл повернулся, улыбается сентиментальной улыбкой энкавэдэшника на пенсии.

– Пойду покурю. На кухню.

– Да все же здесь курят. Зачем на кухню?

– Ну... мне... я сейчас... мне нужно. Здесь...

– А-а, ну иди, сигареты на холодильнике. – Отвернулся, подхватил ускользнувший куплет.

Неужели останется?

Остался. Покивал и остался. Ну и черт тогда с ним.

Аня проскользнула на кухню, взяла сигареты, взобралась с ногами на подоконник – сидеть здесь больше было не на чем: все стулья и стол к ним в придачу ушли на размещение гостей.

Ну и ладно, ну и пусть там сидит, если нравится. А старуха права – убийца вернется... как только Кирилл улетит.

Кто-то идет. Неужели Кирилл опомнился?

В кухню вошла Ирина. Она вся раскраснелась и была весьма навеселе. Улыбнувшись Ане, она забралась на подоконник и обняла ее за плечи.

Даже пьяная, чужая Ирина догадалась, что нельзя ее сейчас оставлять одну, а Кирилл... Впрочем, Кирилл-то ничего не знает, про старуху не знает, как же ему догадаться?

– Анют, – она качнула ее за плечи, – ну чего ты так рассердилась? Вышла из комнаты просто сама не своя, разве что дверью не хлопнула. Ты на нас на всех рассердилась? Глупые взрослые дяди и тети треплют всякую ерунду, песни дурными голосами воют, напились. Ты не сердись, мы скоро уйдем.

– Я не сержусь. Тебя Кирилл послал меня утешать?

– Нет, почему ты так решила?

Не Кирилл. Ну конечно, ему все равно, ему на нее совершенно наплевать.

– Слушай, Анют, я знаешь о чем подумала? Может, стоит все-таки рассказать Кириллу про эту твою сумасшедшую?

– Какой смысл? Он все равно улетит.

– Улетит – понятно, не лететь он не может, но...

– Тогда зачем и рассказывать? Что он может еще сделать?

– Не знаю, вдруг что-то придумает. Видишь ли, бабка-то, безусловно, сумасшедшая, но и у сумасшедших идеи появляются не на пустом месте: должна быть какая-то основа.

– Кто сумасшедший? Какая основа? О чем это мне не нужно рассказывать? – Дверь кухни открылась, и Кирилл возник на пороге. – Что у вас от меня за секреты?

– А ты зачем за дверью подслушиваешь? – Аня сердито на него замахала рукой. – Две женщины уединились, разговаривают о своем, о девичьем, а ты... – Она попыталась все перевести в шутку, но вышло неуклюже и глупо. Ни Ирина, ни Кирилл шутки не поддержали.

– Видишь ли, Кирюш, я думаю, тебе нужно об этом знать... – начала Ирина.

– Не надо, Ир, я прошу.

– Да в чем дело, девчонки? Что случилось-то? – Кирилл с любопытством – впрочем, довольно праздным, неозабоченным – уставился на них.

– Какая-то сумасшедшая бабка напугала Анютку до обморока. Я в магазин ее послала, мы меню другое разработали, более сложное, ну это неважно. А на обратном пути Аня и встретила старуху, она здесь живет, ваша нижняя соседка, с четвертого. Так вот, она рассказала Анютке, что в этой самой квартире, где вы намеревались прожить долго и счастливо, убили какую-то девушку.

– В нашей квартире? Когда?

– На этот вопрос она затруднилась ответить. А еще она сказала, что убитая, какая-то Наташечка, очень на Аню похожа и что убийца еще придет.

– Бред голимый! – Кирилл засмеялся.

– Скорее всего, да. Но, во-первых, Анютка напугана, а ты завтра уезжаешь, оставляешь ее одну, а во-вторых, может, это и не совсем бред. Вдруг эта женщина действительно стала свидетельницей какого-нибудь... ну чего-нибудь такого.

– Вряд ли. На каком этаже, вы говорите, она живет?

– На четвертом, прямо под нами, – с готовностью ответила Аня: может, и хорошо, что Ирина все рассказала, теперь Кирилл обязательно что-нибудь придумает.

– На четвертом, прямо под нами, значит?

– Да, а что?

– Так, ничего. А ты, Анют, не перепутала?

– Ну я же сама видела, как она оттуда выходила, а потом зашла. Старуха, в черной одежде...

– В черной одежде старуха? И говорила о том, что ты похожа на убитую?

– Ну да... – Аня растерялась, она не понимала, к чему он клонит.

– А ты, Ирэн, считала, что весь этот детский... весь этот бред необходимо было мне пересказывать?

– Почему обязательно бред? Я не утверждала, что все так и было, но...

– Ты не веришь, что я... – начала Аня обиженно. – Но я в самом деле встретила ее, эту старуху, и она говорила... Чай приглашала пить. И фотографию показать хотела.

– Хватит, хватит! – Кирилл замахал руками и комически закатил глаза. – Я понимаю, Анют, что ты очень не хочешь, чтобы я уезжал, я понимаю, что тебе одной будет скучно, но... Ты уже не такая и маленькая, девочка моя, пора взрослеть. А твоя история про старуху в развевающихся черных одеждах и на двенадцатилетний возраст не тянет.

– Но почему ты мне не веришь?

– Да потому, что поверить в это в здравом уме невозможно. Ну и еще есть маленькая деталь: видишь ли, Анечка, в этой квартире, на четвертом этаже, под нами, никто не живет. Ты не знала об этом? Там ремонт не закончен, даже полов еще нет, и стены только-только штукатурят.

– Откуда ты знаешь?

– Видел. Я когда вчера шел домой, впереди меня мужики в строительных комбинезонах с досками поднимались. В эту самую квартиру, под нами, они их и втащили. Дверь была нараспашку, я заглянул, не знаю почему, любопытство вдруг разобрало. Так вот, скажу тебе точно: там не только никто не живет, но и жить в этой квартире пока невозможно. И чай гонять не с руки, никаких условий.

– Ну, Ань, ты даешь! – Ирина спрыгнула с подоконника и сердито затушила сигарету в пепельнице. – А я-то, старая дура, уши развесила. Я ведь поверила ей, честное слово.

– Да я же... Я ничего не придумала. Была старуха, действительно была. И... И не с ума же я сошла, в самом деле! Вы мне не верите! Почему, почему вы мне не верите? – Аня всхлипнула и бросилась из кухни.

Кирилл ухватил ее за руку, притянул к себе и поцеловал.

– Хватит, Анют, успокойся. И пойдем к гостям, неудобно, мы и так их надолго оставили. Ну не плачь, ну маленькая моя. Все, все. Успокоилась? Выдумала какую-то глупую сказочку, сама расстроилась и всех расстраиваешь.

– Правда, Ань. – Ирина подошла с другого боку и тоже ее обняла. – Вытри глазки и не плачь больше. Пойдем к народу, действительно неудобно.

– Им и без нас хорошо. Вот уже и до «Шумел камыш» дошли. – Аня улыбнулась сквозь слезы.

Ну не верят они ей, и ладно, а старуха была. Она же ясно ее видела и слышала. Но, с другой стороны, если и Кирилл и Ирина считают все это несерьезными детскими выдумками, значит, опасности нет. Просто какая-то сумасшедшая старуха, никакого вреда принести она ей не может, болтает всякий бред, только и всего.

Ей вдруг стало так легко и хорошо, что она обняла за шею Кирилла, а потом Ирину, по очереди поцеловала их в раскрасневшиеся от выпитого щеки и засмеялась. Все ее страхи совершенно прошли. Ирина же с Кириллом, обрадованные, что Аня наконец успокоилась, тоже засмеялись, радостно и удовлетворенно.

Когда они вошли в комнату, гости почему-то прервали свое веселое пьяное пение и потихоньку начали расходиться. Новоселье заканчивалось. Последними ушли Ирина с Антоном (он решил ее проводить до дому). Они долго топтались в прихожей, все никак не могли проститься. Кирилл предложил вызвать такси, но они дружно отказались.

– Нет, спасибо. Поймаем машину по дороге. – Ирина рассмеялась и подмигнула Антону.
– В магазин еще заскочить нужно. – Он обнял Ирину и тоже ей подмигнул. – Наш вечер только начинается.

Наконец ушли и они.

– Вот и все. – Кирилл притянул к себе Аню и поцеловал в висок. – Мы одни, а времени навалом, еще двенадцати нет. Вот теперь и отпразднуем по-настоящему новоселье, вдвоем, как ты хотела.

Нет, не так она хотела, совсем не так. Так уже и не получится. С самого начала надо было вдвоем. А сейчас что? Он пьян, разгорячен вечеринкой, настроен на другую волну. И этот стол с грязной посудой и объедками Ирининых изысков. И эти пустые бутылки повсюду, и эта прокуренная, опаскуженная присутствием множества чужих ненужных людей комната. И... и вечер, их вечер вдвоем, уже не удастся.

– Будем пить твой любимый «Бекс», слушать твоего любимого скрипичного итальянца – этот вечер твой, Анечка.

Вечер. Остаток вечера, огрызок вечера, объедок вечера. Уступка взрослому капризам ребенка: я почитаю тебе на ночь сказочку, я свожу тебя в зоопарк, куплю тебе любимое пирожное, подарю плюшевую обезьянку, папочка на сегодняшний вечер освободился, может с часок поиграть со своей доченькой.

– Ну что ты опять нахохлилась, Анют? Тебя раздражает, что я немного пьян? Сейчас приму душ и буду как новенький. Не мог я народ не пригласить, пойми.

– Я понимаю. Ладно, беги в душ. Я тут с посудой и всем этим пока немного разгребусь.

– Да ты не особенно... только еду убери, а то к утру прокиснет. Переберемся в библиотеку, там посидим.

– Хорошо.

– Ну, я быстро.

Кирилл, на ходу расстегивая рубашку, отправился в ванную. Аня окинула взглядом заставленный стол,хватила в руки несколько тарелок с остатками рыбно-ананасового шедевра и понесла на кухню. Сгрудив посуду в раковину, отправилась в новый рейс.

Ну и пусть остаток, ну и пусть огрызок, но это остаток-огрызок их вечера, прощального вечера, ну и пусть не такого, как она хотела, и все же... В самом деле нужно перестать дуться, Кирилл не виноват, что все получилось не так.

А вода в ванной все льется и льется. Что-то он там размыслился. Наверное, решил заодно и побриться, чтобы выйти к ней свежим и гладким. Специально для нее.

Аня открыла холодильник,хватила несколько баночек «Бекса» и понесла их в дальнюю комнату, предназначенную под библиотеку. Пока здесь стояли только два больших глубоких кресла, пустые, без книг, шкафы, диван и маленький столик. И пыльными стопками повсюду грудились книги.

А на улице, оказывается, дождь. Тяжелые капли стучат по стеклу. Май в этом году на редкость дождливый. Может, и завтра...

Может быть, может быть. Впрочем, это не имеет значения, дождь не может идти вечно, час или два – и все кончится.

Час или два – не так уж и мало.

Сейчас у них тоже в распоряжении час или два – целый остаток вечера, переходящего в остаток ночи. Счастливо-печальный остаток вечера в счастливо-печальный остаток ночи.

Нужно принести любимые бокалы Кирилла с английской флотилией – этот вечер закончится праздником, их личным праздником, праздником вдвоем.

Аня вернулась в гостиную, достала бокалы из бара. И тут раздался звонок. Аня вздрогнула – один бокал выпал у нее из рук и разбился.

Вот и все, никакого праздника не будет. Это, конечно, вернулись Ирина с Антоном, не смогли поймать такси. Теперь они останутся у них до утра. И Кирюшин бокал разбит. И вечер разбит.

Аня открыла дверь.

На пороге стоял незнакомый молодой мужчина в черном элегантном костюме. Безнадежно опоздавший на новоселье гость?

Нет, вряд ли. Таких элегантных и черных не было запланировано. В таком костюме не станешь пить водку и петь про Охотный Ряд. И в гости на новоселье в двенадцать ночи не зайдешь, скорее уже в загс в двенадцать дня на свадебную церемонию.

А туфли-то, тоже черные и элегантные, забрызганы грязью. Он шел под дождем, пешком. В таких туфлях не ходят пешком.

Он не гость, он...

– Вам Кирилла?

Мужчина ничего не ответил, шагнул в квартиру, странно молча.

Нет, он не гость. И лицо неправдоподобно бледное, такое лицо... такие лица бывают за минуту до обморока, за минуту до смерти.

– Что вам нужно?

Он не гость, он не гость. Что он прячет там, за спиной? Обе руки у него за спиной. К его черно-свадебному костюму подошел бы букет. К его обморочно-бледному лицу подошел бы нож.

– Кирилл!

Мужчина качнулся, костюм его черный качнулся и двинулся к Ане. И рука за спиной начала какое-то непонятное движение. И губы изогнулись и пришли в движение, но звука не издали.

Аня попятилась в глубь прихожей, мужчина двинулся за ней.

Он не гость! Он тот, кто должен был вернуться. И вот он вернулся, не дождавшись отъезда Кирилла. В руке за спиной, конечно же, нож!

– Анюта, кто там?

Голос Кирилла разбил наваждение. Черная фигура мгновенно потеряла весь свой лоск убийцы. Вздвигнув, мужчина отпрянул, развернулся – в руке за спиной оказался зонт, просто черный, обычный зонт – и быстро пошел вниз.

– Анют, ты чего? – Кирилл, в полотенце – набедренной повязке – вышел из ванной и приблизился к Ане. – Зачем ты стоишь перед открытой дверью? Ты куда-то хотела пойти? Тебе плохо, Анют? – Он погладил ее по щеке. – Что с тобой? Да ты сейчас упадешь в обморок, так побледнела! Пойдем в комнату скорее. Зачем ты открыла дверь? Ну что опять за фантазии?

– Мне показалось... Что в дверь позвонили. Ошиблась.

– Господи, Аня, начало первого. Ну кто может прийти в такое время? И дверь так легкомысленно по ночам открывать не стоит. Мне теперь тебя и оставлять-то страшно.

– Я... Мне... Мне показалось...

– Только не говори, что к нам сейчас приходила твоя черная старуха. Не переигрывай, это уже дурной вкус. Пойдем-ка лучше праздновать.

Глава 2

Вот все и кончилось. Вот и наступило утро. И, конечно, дождь перестал – сквозь неплотно задернутые шторы ярко светило солнце.

И будильник прозвонил вовремя – не испортился механизм, не кончилась батарейка. И Кирилл вскочил с постели веселый и бодрый – не скрутила его за ночь тяжелая болезнь, и даже последствия вчерашних возлияний никак не отразились на организме.

Теперь оставался только аэропорт – нервное, суетливое прощание: «Проверь все-таки еще раз, не забыл ли билет?» – «Да не забыл, не беспокойся, Анята».

– Может, не ездить его провожать?

– И украсть у себя два часа вместе.

– И избавить себя от невыносимого возвращения в пустую квартиру.

Глупости все про пустую квартиру. Ничего в этой пустой квартире страшного нет, раз Кирилл спокойно ее оставляет. А черный мужчина ей вчера просто привиделся. Как и черная старуха – в квартире на четвертом этаже никто не живет.

– Анят, может, тебе не ездить в аэропорт? – Кирилл вышел из ванной почему-то с полотенцем на шее, как какой-нибудь старикашка в пансионате для ветеранов войны и труда.

– Не ездить? Почему не ездить?

– Ну, я подумал, можно ведь проститься и дома. Зачем тащиться в аэропорт? К чему устраивать эти торжественные проводы у трапа самолета?

– Нет, я поеду. – Конечно, он хочет лишиться ее и этих последних часов. Или... ну да, его провожает кто-то другой. – А почему ты решил...

– Да не почему. Ты могла бы еще часок поспать.

– Поспать? Когда ты уезжаешь?! Ты с ума сошел! Конечно, я поеду.

Кирилл улыбнулся. Самодовольно улыбнулся. В очередной раз убедился, что она его любит и что для нее три недели Америки – ужас, ужас, кошмар. Для того и предлагал не провожать.

– Взять и в самом деле не поехать его провожать, сбить с него это самодовольство.

Ну вот, теперь загрустил. Швырнул полотенце на кровать и загрустил. Дошло наконец, что радоваться сейчас неприлично.

– Я бы не поехал, Анят, но нельзя.

– Да я все понимаю.

– Честное слово, нельзя. Я и сам не хочу ехать.

Ага! По тебе и видно. Так не хочешь, так не хочешь, что уже и дожидаться не можешь, когда наконец... конец. Скоро, скоро, не беспокойся. Осталось совсем ничего.

Ничего не осталось.

– Пошли лучше завтракать.

Они выпили кофе – Кирилл грустно радуясь, Аня сдержанно умирая. Вот теперь уже точно ничего не осталось: проверить билеты, посидеть «на дорожку», вызвать такси – и все. Нет, еще аэропорт: «я позвоню тебе, как только приземлимся» – и начало отсчета конца.

– Может, еще по чашечке? – Кирилл посмотрел на часы. – Успеем.

Аня кивнула и разлила кофе по чашкам, не сполоснув их от старой гущи. Кирилл сморщился, но ничего не сказал. Положил сигареты на стол, закурил, прихлебывая кофе с двойной гущей.

Из форточки сильно подуло, салфетки в стакане взлохматились, пепел закрутился в пепельнице, как мусор в луже. Может, все же пойдет дождь?

– Погода портится. – Кирилл с тревогой посмотрел в окно. – Ну надо же, только дождя не хватало.

Аня тоже посмотрела, даже занавески нижние раздернула.

– Ничего и не портится, просто ветер. – Господи, как же он беспокоится, что отлет его может задержаться, три недели Америки сократятся на два-три часа, агония прощания растянется на два-три дождливых часа.

– Нет, ты посмотри, какая туча.

– Никакая не туча, сейчас все рассеется, – рассердилась Аня. – Прекрасная погода.

– Слушай, Анют, может, тебе действительно дома остаться? Зачем тебе куда-то ехать, только расстраиваться? Я и сам спокойно...

– Такое ощущение, будто ты боишься, что я в аэропорту нос к носу столкнусь с твоей любовницей, которая пойдет тебя провожать или которую ты решил взять с собой в Америку.

– Ну что ты говоришь! – Кирилл рассмеялся. Натянуто, неестественно, фальшиво рассмеялся. – Какая любовница?

– Не знаю какая. Тебе видней.

– Анютка, глупенькая моя, не станешь же ты меня еще и ревновать на дорожку?

– Тогда не приставай. Решили, что я еду провожать, значит, еду.

Неестественно он отговорился, совсем неестественно, наверняка его кто-то еще будет провожать. Любовница – не любовница, а Раиса Михайловна вполне может. Боится их сталкивать в такой момент – это ясно.

Наверное, действительно лучше не ехать, остаться дома.

– Ладно, пора одеваться. Я сейчас вызову такси.

Такси. Вот уже и такси – и утро подходит к концу.

– Да я готова. Ты одевайся. Только свитер, куртку не надо, сегодня, кажется, тепло. И зонт на всякий случай.

Зонт. В руке у черного гостя оказался обыкновенный зонт, просто черный зонт, не нож, не букет.

– Зонтик? Умница! Я забыл положить, хорошо, что напомнила. Зонтик нужно взять обязательно, совершенно неизвестно, какая у них там будет погода.

Кирилл скрылся в спальне – пошел одеваться. Аня сняла с крюка зонт, положила сверху на чемодан и опустила на тумбочку в прихожей.

Чем занять себя, пока он будет одеваться? Проверить газ, воду, свет? Нет, это Кирилл уезжает, а она-то вернется. Часа через три.

Уже без Кирилла.

И будет жить без него три недели. В квартире, где когда-то произошло убийство. И ждать возвращения убийцы.

– Ну, я готов. Выходим? Сейчас такси подъедет, я вызвал.

– Выходим. Проверь билет и паспорт.

– Проверил уже. Ключ не забудь.

Ключ. Возможно, тот самый, которым убийца...

– Присядем на минутку. – Они сели на тумбочку, рядом. Кирилл сосредоточенно смотрел прямо перед собой, словно отсчитывал секунды – должно выйти ровно шестьдесят, ровно минута, ни больше ни меньше.

– Пойдем. – Досчитал, наверное.

Они поднялись.

Такси уже ждало у подъезда. Водитель распахнул дверцу, как только они подошли.

– Сумку можете сзади наверх поставить, не такая она и большая.

– Спасибо, я сбоку.

Кирилл поставил сумку, помог Ане забраться в машину.

– В свадебное путешествие собрались, молодые люди? – Водитель пытался быть приветливым. – Докачу с ветерком и разговором приятным потешу.

– Нет. – Слава богу, Кирилл не стал вдаваться в подробности, объяснять про Америку.

– А что же? В отпуск? – Он никак не отвязывался.

– Деловая командировка, скажем так.

– Вы едете. Ага. А девушка вас провожает. Жена?

Ну чего ему нужно, господи!

– Жена.

– Переживает, наверное, что мужа отправляет? Вы переживаете, девушка?

Ну что ответить этому общительному болвану?

Аня хмуро кивнула.

– Понятно, расставаться грустно. Но зато вас ожидает радость встречи. Надолго в командировку? – Он посмотрел на Кирилла в зеркало.

– На три недели.

– Надолго. – Вдохнул тяжело, словно это он уезжает, головой закачал, как китайский болванчик. Только бы не стал рассказывать историю из своей жизни, когда он однажды вот так же... Вот так же не мог он, вранье. И жена его вот так же не могла, потому что... И еще потому что в их квартире никого не убили.

– А я ведь сам из Одессы. До распада Союза служил в ЧМП.

– В ЧМП?

– В пароходстве, на пассажирах ходил.

– Это на пассажирских судах?

– Ну да. Даже на «Достоевском» успел побывать. А потом лавочку прикрыли. И жена от меня ушла. И все деньги пропали. Вот сюда перебрался. Все ничего, только к климату не могу привыкнуть. Это что? – Он кивнул на окно. – Май? У нас уже лето давно. И в сентябре тоже все еще лето.

Таксист наконец замолчал, грустя об утраченном вечном лете. Знакомые улицы перешли в незнакомые. Выехали из города. Минут пять-семь, и аэропорт. Назад она поедет на экспрессе. Попадется опять такой вот разговорчивый, отвечай, кого провожала, куда улетел. Кстати, этот почему-то не спросил куда.

– Да, так вот меня и звали все – Паша-прачка, – снова заговорил водитель, вероятно, продолжил вслух свои мысли.

– Почему Паша-прачка? – И интересно это Кириллу?

– Я ведь прачкой работал. На пароходе. Заведовал прачечной, – водитель засмеялся. – Зато весь мир увидел. Только в Японии и в Китае не довелось побывать. А так... Пять раз в кругосветку ходил. И в Бразилии на карнавале был. А о таких мелочах, как Марсель, Венеция, Лондон, Афины, я и не говорю. Венецию я не любил. Я там постоянно простуживался. Вокруг губ высыпало – герпес.

– Да, это неприятно. – Кирилл вежливо покивал головой.

Вежливо. Он вообще ужасно вежливый. И ей тоже вежливо скажет... И уйдет, улетит на три недели. Нет, не сразу уйдет. Еще помашет рукой из таможни – там дверь стеклянная. Обернется и помашет.

Аэропорт. Приехали.

– Счастливого пути. Удачной поездки.

– Спасибо. – Кирилл расплатился с водителем. Вышли. Солнце светило вовсю, и ветер стих.

– Я же говорила, рассеется.

Кирилл с недоверием посмотрел на небо.

– Да, вроде рассеялось. Но неизвестно, что в Вашингтоне. Может, там нелетная. Пойдем в справочную, узнаем.

– Объявят, если что. Пойдем лучше где-нибудь посидим.

– Хорошо. Если хочешь...

– Хочу.

Кирилл засмеялся, поцеловал Аню в щеку и, обняв за плечи, повел в аэропортовский бар, самый ближайший от стоек регистрации.

– Что закажем? Кофе? Или, может, по коньячку, на посошок?

– Давай по коньячку.

Все равно, все равно. Никакой коньяк уже не спасет. Через полчаса объявят регистрацию, останется только очередь у стойки, «я позвоню тебе, как приземлимся» и таможенное «до свиданья» рукой, обернувшись, уже сквозь стекло.

И начнется «уже без Кирилла».

Принесли коньяк и мороженое.

Он заказал и мороженое?

– Ну давай, Анюта, за отъезд. Легкой мне посадки.

Они чокнулись, выпили. Кирилл закурил. Бармен подбежал с пепельницей. Могли бы заранее поставить, чтоб потом не бегать. Или сервис хотят показать – ни один ваш жест не останется незамеченным, мы тут же к вашим услугам!

– Я ведь еще никогда, никогда не был за границей.

Как будто она была!

– Знаешь, чувствую себя таким мальчиком из провинции. Даже немного страшно. Этот таксист, Паша-прачка, – счастливейший человек. Я ему ужасно позавидовал. Представь себе, попасть на бразильский карнавал. Здорово?

– Наверное, здорово.

Нельзя было отменять поездку, нельзя. Он просто бы умер от горя.

– Мы тоже с тобой куда-нибудь съездим. Я уже точно решил. В августе выкрою себе две недельки, и смогаемся. Куда бы ты хотела?

В августе. Будет ли август? Если убийца вернется...

– Не знаю, мне все равно.

– Ну как все равно? Все равно быть не может. Хочешь в Венецию? А в Барселону? Может, в Прагу?

– Можно в Прагу.

Объявили начало регистрации. Кирилл занервничал, затушил недокуренную сигарету.

– Пойдем, Анют.

– Еще только начало. Ну хорошо, пойдем.

Он не виноват в том, что так суетится, что не может дождаться окончания прощания, в том, что расставание на три недели для него не трагедия, в том, что он все же летит, несмотря ни на что!

Очередь у стойки совсем небольшая. Потому что регистрация только начинается. Потому что никто так не торопится улететь, как Кирилл.

И на таможеню он, конечно, первым придет. Чтоб скорее отмахать и освободиться. Но он не виноват, просто боится, что она опять расхнычется и про старуху начнет вспоминать.

Не начнет, не начнет. И не расхнычется, как-нибудь уж дотерпит до дому. Только...

– Анют, ты куда?

Вот сейчас заметит, что все же расхныкалась, а она вовсе не потому, просто...

– В туалет.

– Хорошо. Только быстрее, пожалуйста. У меня уже очередь подходит.

– Не беспокойся, я тебя не задержу.

Очень надо задерживать! Пусть летит куда хочет. Вечером она позвонит Ирине, и они оторвутся на полную катушку. И все три недели будут отрываться. Ирина предлагала, она обязательно примет ее предложение.

А сейчас... только бы он не увидел... Он обязательно подумает, что плачет она из-за него, а это неправда. И станет ее утешать, а ей не нужны его утешения. Просто... нужно сейчас... успокоиться... просто... Это так просто успокоиться, просто.

Дома можно хоть в голос выть, а здесь... а сейчас... Зачем она поехала? Он увидит, увидит слезы. И окажется прав – разнюнилась. И расстроится. И обрадуется.

Опустить нужно голову, они сами скатятся, и тогда глаза не покраснеют, не останется следов.

– Вот ты где, Анют. А я уже зарегистрировался. Пойдем.

Не смотреть на него, не смотреть. Отвернуться, тогда не заметит. И не говорить ничего – голос наверняка задрожит. Зачем, в самом деле, портить ему настроение? Ведь он не виноват в том, что...

– Я тебе позвоню, сразу как долетим.

Ну вот. Осталась только таможня. А потом возвращаться в квартиру, в которой... И жить без него.

– У нас есть еще пара минут. Хочешь, выйдем на улицу?

– На улицу? – Нет, улица совершенно не запланирована. Что там делать, на улице? Даже реплик для улицы не предусмотрено. Что он станет там говорить? Разве что повторять на все лады: «Я тебе позвоню, сразу как долетим».

– Нет, там, наверное, холодно.

– Холодно? – Кирилл засмеялся. – Ну что ты! Совсем не холодно. День сегодня прекрасный. У нас, конечно, не Одесса, но все-таки тоже свое понятие погода имеет – май как-никак.

– Ну. – Аня угрюмо кивнула и насмешливо посмотрела на мужа. – Майский день, именины сердца.

– Да можем и не ходить, я же не настаиваю. Давай тогда где-нибудь сядем. Пойдем вон туда, там места свободные и уголок почти укромный.

– Пойдем. – Аня пожала плечами.

Они прошли сквозь зал в закуток под лестницей. Сели и долго молчали – говорить действительно было не о чем. Кирилл видел, что Аня расстроена и еле сдерживает слезы, но не знал, как к ней подступиться. Утешать? Совершенно бессмысленно, и тогда уж точно слезы хлынут. Разговаривать о чем-то абстрактном? Еще глупее.

Аню молчание ужасно нервировало, и она судорожно придумывала тему, но как только тема – безобидная для обеих сторон, нейтральная и в то же время ненарочитая – была найдена, она поняла, что не сможет выговорить ни слова – сразу расплачется. Нет, не расплачется, разрыдается, раззоется на весь аэропорт.

Наконец объявили посадку. Кирилл вскочил. «Радостно вскочил, – подумала Аня. – Ну понятно, это прощание его окончательно достало». Они двинулись к таможне. Здесь уже успела образоваться очередь. Значит, еще минут двадцать молчания в ожидании освобождения. Тот Кирилл изведется.

Они встали в самый конец. Кирилл тяжело вздохнул.

Так и есть, так и есть. Но ничего, дорогой, скоро избавишься.

– Ну, Анют, моя очередь. Я тебе позвоню, обязательно. Как сядем, позвоню. И потом еще как-нибудь. Не грусти ты так, пожалуйста, не расстраивайся. – Он обнял ее порывисто («Притворился, конечно, притворился, что порывисто, все давно запланировано, даже эта порывистость запланирована»), крепко-крепко прижал к себе (ну да, ну да, все по сценарию) и как-то то ли всхлипнул, то ли хрюкнул в ухо: – До свидания, маленькая.

Сзади толкали, напирала очередь – всем осточертело прощание.

– Я позвоню тебе, обязательно. – Очередь затолкала Кирилла в стеклянные двери таможни. Обернуться и помахать ему не дали – сбив в сценарии, непредусмотренный сбив.

Вот и все. Его больше не видно.

Аня повернулась и медленно пошла к выходу. Она обещала Кириллу посмотреть, как взлетит самолет. Но ничего она смотреть не будет, пусть взлетает без нее.

Сбоку у крыльца столпились машины такси. Аня направилась к ним, забыв, что хотела назад возвращаться на автобусе. Вспомнила только тогда, когда они уже отъехали от аэропорта. Теперь останавливаться и пересаживаться поздно – как сказать об этом водителю? Неудобно. Ну да и черт с ним, поедет на такси.

Водитель, к счастью, попался неразговорчивый, ни о чем ее не расспрашивал, ничего не рассказывал, просто молча вез. К дому, в котором ей предстоит жить три недели в кошмаре и ужасе, к дому, в котором, вероятнее всего, ей предстоит умереть.

Позвонить, что ли, Ирине? Попросить ее вместе пожить? Нет, неудобно просить. Она и так рассердилась, что поверила в ее детский бред, выдумки незрелого ребенка. А может, она права? Это и есть просто бред? Сон наяву, нездоровое воображение?

Вот сейчас и проверим.

Аня вышла из машины и решительно направилась к своему подъезду. Вбежала на четвертый, страшный этаж – дверь «старухиной» квартиры, конечно же, оказалась закрытой, и на звонки никто не отвечал. Все правильно, так и должно быть: строители работают после обеда, еще не пришли, и нет никакой старухи. Бред, бред, нужно просто взять себя в руки и перестать безумствовать.

Постояв еще немного у двери, она поднялась к себе, достала ключ (просто ключ, просто ключ, нечего выдумывать всякие ужасы), открыла и вошла в квартиру (просто квартиру, их новую, самую лучшую на свете квартиру).

Ну вот и вошла ведь, и ничего не случилось.

И ничего не случится.

Надо чем-нибудь заняться. Двигаться, двигаться, не сидеть на месте, прислушиваясь и выжидая, а что-нибудь делать.

Что?

Неубранный стол (три стола, сдвинутых вместе) в гостиной с остатками праздника – вот и дело. Если не очень торопиться, можно растянуть уборку часа на два, одной грязной посуды сколько, а потом еще столы унести – один на кухню, другой в библиотеку, медленно толкать их перед собой, делая вид, что они никак не сдвигаются с места, ужасно тяжелые, цельное дерево, натуральное.

И книги расставить. Именно так, как любит Кирилл – по авторам и по периодам. Завести картотеку – осуществить его давнюю мечту. На это вообще уйдет часов шесть. А если еще время от времени устраивать небольшие перерывы, то и на весь день хватит.

Аня переоделась и принялась за уборку.

Она долго возилась с посудой, выстирала скатерти, пропылесосила пол в гостиной. А когда закончила разбирать книги, почувствовала, что просто валится с ног – от усталости и голода.

Вот и прекрасно. Еще одно дело нашлось – готовить обед. Конечно, можно было ничего не готовить, еды от вчерашнего новоселья осталось много. Но обед – это выход: не сидеть, выжидая, а двигаться, заполнять время делом, заполнять тишину звуками.

Когда Аня уселась за стол, оказалось, что приготовила она не обед, а ужин, наступил уже вечер. Совершенно незаметно прошли восемь часов, работа их проглотила. Вот и нужно заполнить дни до отказа работой, и тогда три недели не станут кошмаром, и для старухи не останется места.

Только где ее взять, работу? Сегодня нашлась, а завтра что делать? Не потолки же белить и не обои отдирать и снова приклеивать.

Год назад проблемы бы такой не возникло, у нее было дело, и не выдуманное, а вполне определенное. Это из-за Кирилла она перестала рисовать, потому что он, как и его мама, счи-

тает, что малевать акварельки – не более чем детская забава, вот, например, маслом портреты писать – это да, это занятие взрослое, это работа, и профессия художника – такого вот художника-портретиста – почти и не хуже профессии журналиста. А акварельки...

Если бы Кирилл на ней тогда не женился, может быть, она и стала бы художницей, настоящей художницей.

Глупости! Никем бы она не стала, чего уж себя-то обманывать.

А она и не обманывает, просто мечтает.

Надо завтра же пойти и купить красок и кистей и всего остального и возобновить свои художественные экзерсисы. Три недели рисовать и мечтать – чем плохое занятие, для того чтобы заполнить дни?

Рисовать и мечтать. Отличная мысль. Кирилл еще до своей Америки долететь не успел, а она уже придумала ему замену. Так похожую на измену. Рисовать и мечтать о том, кем могла бы она быть без Кирилла. Чтобы смочь без Кирилла прожить. Три недели.

Жаль, что нельзя краски купить сегодня и сегодня же начать. Слишком поздно, все магазины такого рода закрыты.

Ну и ладно. Сегодня можно и отдохнуть. Главное – она успокоилась. Можно посмотреть телевизор, а потом почитать в постели и тихонько отойти ко сну. Ночь – самое простое, самое легкое время в ожидании. Телевизор, книга, ночь – вот и сутки пройдут, три недели сократятся на сутки и уже перестанут быть тремя неделями.

Да! Еще Кирилл должен позвонить, рассказать, что приземлился.

Шестнадцать телевизионных каналов откликнулись невообразимой дребеденью. Только один дал нечто более-менее сносное – начало «Соляриса». К Тарковскому Аня относилась прохладно, еще прохладнее к Лему, но все же это было лучше, чем всякие «призраки Чарли» и прочие «хорошие-плохие парни».

К концу первой серии «Соляриса» зазвонил телефон. Похоже, Кирилл уже приземлился и теперь спешит сообщить ей об этом, а заодно и утешить, представив, наверное, что без него она вся слезами изошла, одежды с горя в клочья разорвала, бретельку от лифчика дорывает. А она-то о нем и думать забыла, не позвонил бы, так и не вспомнила.

Аня сняла трубку и весело проговорила:

– Да, я вас слушаю. – Пусть знает, что ей и без него неплохо.

– Привет, Анечка. А это я, твой американский муж, – начал Кирилл тоже весело.

– Я так и поняла. Как летелось?

– Ужасно! Терпеть не могу самолеты. Высосал пачку «Попутчика», во рту мерзко, а толку все равно никакого.

– Сочувствую.

– Спасибо. Как ты там без меня, Анют? Успела соскучиться?

– Ну что ты! Прошло-то всего ничего. – Аня засмеялась.

– Что подельываешь? – Веселья в его голосе поубавилось.

– Телевизор смотрю. Кстати, ты меня отвлек на самом интересном месте.

– Да? Ну извини. – Голос Кирилла стал совсем обиженным. – Я обещал тебе позвонить, как приземлимся, вот и звоню. Думал, ты обрадуешься.

– Я обрадовалась. Спасибо, что позвонил, – проговорила Аня как можно суше и официальнойней.

– Здесь очень тепло, настоящее лето, – сказал Кирилл совсем уже потухшим голосом.

– А у нас, кажется, снова дождь собирается.

Больше сказать было нечего: Кирилл, наверное, приготовился ее утешать, а утешения никакого и не понадобилось.

– Ну ладно, – он совсем загрустил, – перезвоню через неделю. Нет, через полторы-две. Дорого, знаешь ли, звонки из Америки обходятся. Пока.

Да, с весельем и равнодушием она, кажется, переборщила. Ничего, ему только на пользу. Пусть немного помучается.

Аня вернулась к телевизору, досмотрела «Солярис», поблуждала по каналам в поисках лучшего, но лучшего не нашла. Выпила чаю, покурила, приняла ванну. Вот уже и двенадцать. День прошел. Без Кирилла, но все равно прошел. Можно, значит, жить и без Кирилла.

Кровать оказалась непомерно широкой, неудобно широкой, безнадежно широкой – настоящий полигон одинокого сна, а вероятней всего – бессонницы. Жить без Кирилла возможно, сегодня она убедилась. Но вот можно ли спать без Кирилла?

Можно, можно. Привыкнет. Как знать, не привыкнет ли так, что когда он вернется, то станет мешать ей на этой кровати, на ее привычно одинокой кровати?

Аня зажгла бра в изголовье постели, выключила верхний свет и легла, захватив с собой книгу. «Защита Лужина», любимый «Лужин». Она его потеряла на той, старой квартире – из четырехтомника пропал почему-то именно этот том, – а сегодня, когда разбирала книги, он вдруг так счастливо нашелся. Как специально, чтобы утешить.

На весь срок одиночного заключения его, конечно, не хватит, но если весь день заполнять акварелями, а к «Лужину» возвращаться только по ночам и читать медленно-медленно, то между первой любимой фразой: «Больше всего его поразило то, что с понедельника он будет Лужиным» и последней любимой фразой: «Но никакого Александра Ивановича не было» – может пройти и неделя.

Нет, он просто притаился, кошмар. За спинкой кровати, в складке одеяла. Никуда он не исчез, просто притаился. И стоило только выключить свет, как страх сразу выполз из своего укрытия.

Тишина тут же наполнилась подозрительными шорохами. Темнота обрела живую осязаемость. Воздух сделался липким и влажным.

Как легкомысленно она поступила, не уговорив, не уломав Кирилла остаться. Да она должна была вцепиться в полу его пиджака руками и ногами и не отпускать ни в какую Америку. Или заболеть скоротечной чахоткой и срочно начать угасать на его глазах. Она совершенно не рассчитала своих сил – с этим сроком ей в одиночку не справиться. Ей ни за что не пережить эту ночь, даже и думать нечего. Ей не прожить эти три бесконечные недели, ни за что не прожить. Как глупо и самонадеянно было на это рассчитывать. И даже Ирине не позвонить, не попросить пожить у нее, пока не приедет Кирилл. Акварельками хотела спастись, «Лужиным» хотела спастись. Дура, дура. А теперь звонить Ирине уже поздно, не станешь же срывать человека среди ночи. И ехать к ней тоже поздно. А больше ничего предпринять невозможно.

Аня включила бра, но страх не прошел. Теперь его этим слабеньким хрустальным светом не спугнешь, теперь потребуются какие-то совершенно определенные меры. Ирина, например. А лучше Кирилл.

А еще можно встать, пройти на кухню, выпить чего-нибудь. В аптечке есть успокоительные таблетки, в холодильнике остался коньяк – Кирилл, когда нервничал, всегда выпивал рюмку коньяка, и ему становилось легче. Во всяком случае, это реальнее, чем вызывать среди ночи Ирину. Но...

Это так же нереально. До кухни не дойти, потому что...

Да и бессмысленно. Разве можно какими-то таблетками или коньяком прогнать страх, живое, сильное, разумное существо, заполнившее собой всю комнату, всю квартиру, в которой...

Эта девушка, Наташечка, она здесь, так и старуха говорила. Это ее квартира, она бродит по комнатам, своим комнатам, оттого и шорохи, оттого и страх такой живой, такой осязаемый. Наташечка ее заберет, ей без подружки скучно...

Бред, бред! Ну можно ли верить бреду сумасшедшей старухи? Так и самой сойти с ума недолго.

Нужно встать и включить верхний свет и дойти до прихожей. Да, ближе всего прихожая. Позвонить Ирине, она, наверное, еще не спит. Просто поговорить, услышать человеческий голос. А потом все же добраться до кухни – после звонка это станет возможным, – выпить чего-нибудь успокоительного и лечь спать.

Страшнее всего лежать, распластавшись на этой кровати. Надо хотя бы сесть. И завернуться в одеяло. Потому что, когда лежишь вот так, не видно двери, а это дает Наташечке преимущество – она может подкрасться незаметно. Нужно сесть и посмотреть на дверь. Как только она начнет открываться...

Что сможет она сделать, если дверь начнет открываться? Закричать дурным голосом? Грохнуться в обморок? Ни то, ни другое спасения не принесет.

Может быть, когда-то так же чувствовала себя Наташечка, так же боялась, так же сидела, завернувшись в одеяло и уставившись на дверь. Убили ее ночью, это очевидно, ночь – самое подходящее для убийства время.

Нет, ночью ее убить не могли, она ведь жила не одна, были еще какие-то Семеновы, родители, занимавшие весь верхний этаж.

В ту ночь их не оказалось дома, ушли в гости, уехали в Америку, оставили ее одну. А она очень боялась. Сидела, завернувшись в одеяло, и смотрела на дверь. А потом... Что же произошло потом? Никогда, никогда не узнать. Может, ей надоело бояться и ждать кошмара и она решила наконец встать, пойти на кухню, выпить чего-нибудь успокоительного. И встала. И пошла.

Убийца поджидал ее там.

Бред, бред, глупый бред! Не было никакого убийцы. И никакой Наташечки тоже не было. Не было и нет. А есть лишь глупая, сумасшедшая старуха и глупая, сумасшедшая девочка Аня.

Нет, и старухи тоже не было. Кирилл тогда над ней посмеялся и правильно сделал. Ведь если бы старуха могла быть реальной, Кирилл не стал смеяться, он тоже бы забеспокоился.

И не было того, с бледным лицом, в черном костюме, замаскировавшего нож под зонтик.

Все это – бред и только, сумасшествие, самое настоящее сумасшествие. И если она и дальше будет продолжать в том же роде, свихнется окончательно.

Нужно взять себя в руки и успокоиться. Нужно пережить эту ночь, одну только эту ночь. А завтра попросить Ирину пожить пока с ней. А сейчас успокоиться.

Да все же нормально. Вот сколько сидит, а дверь даже не шелохнулась.

Ну? Посидела, убедилась, что все нормально? Можно и ложиться. Если не спать по ночам, то и три недели пойдут медленнее, на целые ночи увеличатся, на двадцать одну ночь.

Аня легла, так, как сидела, завернувшись в одеяло и поджав под себя ноги. Успокоиться она до конца не успокоилась, но все же ей кое-как удалось уснуть.

Да, вероятно, Аня все же заснула, иначе каким бы образом она оказалась на балу у императрицы в начале восемнадцатого века?

Играла музыка, странная, какая-то невыраженная, серая мелодия, полностью лишенная ритма. Бледный, призрачный свет струился откуда-то сверху, из неясного источника. Народу в зале было много, но почему-то пока никто не танцевал. А впрочем, можно ли танцевать под такую невыраженную, без ритма музыку? Все как будто чего-то ждали: то ли изменения в музыкальной программе, то ли появления какого-то важного лица, без которого начать бал невозможно.

Аня вдруг заметила, что стоит посреди зала, на самом виду, и ужасно смутилась. Не в ее интересах привлекать всеобщее внимание: она и одета не так, и вести себя соответствующим

образом не умеет. Забиться бы в какой-нибудь укромный уголок. Да хотя бы вон в тот, под аэропортовской лестницей, где когда-то они сидели с Кириллом.

Нет, там уже занято, расположилась компания в черных траурных одеждах, еще более неуместных, чем ее наряд. Эти тоже, видно, решили ступешаться и не привлекать к себе внимания.

Но куда же ей все-таки спрятаться? Сейчас ее заметят, и что тогда? Прогонят за несоблюдение дворцового этикета или выставят на посмешище?

– Вы оказали мне великую честь своим посещением, – раздался вдруг голос над ее ухом. Аня вздрогнула и обернулась.

Императрица Анна смотрела на нее и ласково улыбалась.

Ну вот, добилась, привлекла внимание, да еще самой опасной для нее особы. Как вести себя с ней? Нужно что-то ответить, но как, какими словами?

– Я пригласила вас, – продолжала императрица, не дождавшись ответа, – для того, чтобы вы свершили суд над отступниками. Теперь их судьба всецело в ваших руках. Вон сидят они на скамье подсудимых. – Анна кивнула в сторону траурной компании. – Вглядитесь внимательно в их лица. – Аня попыталась взглянуть, но ничего разобрать не смогла: только смутные серо-розовые овалы. Видимо, что-то случилось со зрением, или во всем виноват бледный, призрачный свет? – Это семейство Семеновых. – Императрица сделала многозначительную паузу, а затем заговорила опять: – Их дочь совершила страшное преступление. Вина ее велика, и испугать ее невозможно. Не только передо мной, но и перед всей Российской империей. Я приказала ее казнить. А судьбу ее родственников должны решить вы.

– Так это вы убили Наташечку?

– Не убила. – Анна высокомерно подняла подбородок. – Приказала казнить. Тело ее вы увидите позже. В наказание за ее злодейство я не стала предавать его земле.

– Но в чем же состоит ее вина?

– Как? Разве вы не знаете?

– Нет. – Аня пожала плечами.

– Наташечка Семенова – великая художница. Вы и этого не знали?

– Не знала.

– Странно. Оценив ее дар, я отправила Семенову в Италию, совершенствовать мастерство. И чем же она мне отплатила? На площади перед собором Святого Петра она станцевала французский танец буррэ, причем не придворный, а народный, в размере три восьмых. И с тех пор никто в мире больше не признает в ней художницу, ее провозгласили великой танцовщицей. А мне не требуются танцовщицы, мне нужны художники. Как только она вернулась из Италии, я велела ее казнить. Вот не знаю теперь, казнить ли и остальных Семеновых. Я в большом затруднении, разрешить которое в состоянии только вы, моя тетка и соотечественница.

– Простите, Анна Ивановна, но я не вправе решать такие вопросы. У меня и юридического образования нет, только художественный лицей.

– Художественный лицей? – Императрица оживилась. – Что же вы сразу не сказали? Но ведь это же просто замечательно! Вы и замените отступницу Наташечку, вы займете ее место. Хорошо, судьбу Семеновых можете не решать, на роль судьи я найду другого человека. В судьях недостатка нет, это с художниками проблема. А в знак признательности и как первый аванс за будущую работу я приглашаю вас, моя тетка Анна, на танец. Маэстро, громче музыку!

Невыраженная, без ритма музыка зазвучала оглушительно громко. Императрица обняла Аню за талию и закужила в унылом, без ритма танце.

– Нет! – Аня оттолкнула Анну Ивановну. – Я никогда не буду у вас работать. Вы убийца, убийца, убийца! Вы убили Наташечку.

– Я велела...

– Нет, убили, убили. Покажите мне ее тело!

- К чему торопиться? Успеется.
- Нет, не успеется. Я должна ее видеть!
- Ну что ж. – Анна махнула рукой.

Музыка смолкла, приглашенных на бал заволокла дымка, и они растаяли в воздухе, словно призраки. Зал уменьшился в размерах...

Да нет, это же не зал, это их гостиная. Странно, ведь только начало восемнадцатого века, тридцать первый год восемнадцатого, дом их еще не успели построить, откуда же взялась гостиная? И куда подевалась императрица?

А может, и не было ничего, все это ей только померещилось? Как старуха, как ночной визитер-убийца?

Но свет, бледный, призрачный свет струится. Откуда он струится?

Оттуда, из того угла, за креслом, повернутым к ней спинкой.

Так вот куда спряталась Наташечка. Конечно, это она сидит в кресле, великая преступница, великая художница и истинная хозяйка квартиры, наказанная императрицей. Вот она слегка шевельнулась, меняя позу, видно, устав сидеть в одном положении.

Аня подошла совсем близко и заглянула за спинку. Девушка в шелковом платье, когда-то белом, а теперь сплошь покрытом бурными пятнами, полулежала в кресле, низко свесив голову. Светлые кудрявые волосы закрывали ее лицо. Из груди торчала, как рукоятка ножа, ручка черного зонтика. На полу, у ног девушки, горела свеча.

Аня протянула руку, чтобы отвести волосы, увидеть лицо и проверить, так ли она похожа на нее, как уверяла старуха. Но лица не оказалось, и... и ничего не оказалось – рука свободно, не встречая препятствий, прошла сквозь голову Наташечки.

Да она просто призрак! Ее нет. Нет лица, нет тела, и ее окровавленного шелкового платья тоже нет. Она просто призрак, как те, что здесь танцевали, как и императрица Анна, как старуха, как тот, в черном костюме и с зонтиком вместо ножа. Их не нужно бояться.

Нужно просто протянуть руку и убедиться, что их нет, каждого в отдельности и всех вместе, нужно просто выкрикнуть как заклинание что-нибудь вроде «Призрак, сгинь!», нужно просто проснуться.

Последнее выполнить труднее всего, но сейчас это самое важное. Проснуться, поднатужиться и выскочить из сна, как из омута. Проснуться, сосредоточиться, напрячь все свои силы и... Вот так выпрямиться, опереться руками о спинку кресла, на котором покоится призрак, – и проснуться.

Но спинка ускользает, и пол ускользает, и выпрямиться невозможно, и значит...

Да нет же, вот она и проснулась.

Аня лежала в той же неудобной позе, в которой заснула, завернутая в одеяло, с неловко поджатыми ногами, словно сидела лежа. В комнате было довольно светло – бра она не выключила. А за окном все еще продолжалась ночь.

Аня посмотрела на будильник, стоящий рядом, на тумбочке, – половина третьего, до утра еще далеко. Надо бы постараться снова заснуть.

Но теперь заснуть будет сложно и... И лучше уж совсем не засыпать, а то опять приснится такой вот кошмар.

Никогда ей раньше не снились кошмары, такие яркие, такие осязаемые кошмары. Неужели она действительно сходит с ума?

Во всем виновата эта проклятая старуха. Это она ее довела. А Кирилл взял и уехал, бросил ее на растерзание старухи.

Нет, никакой старухи не было, если бы она могла быть, Кирилл бы не уехал. Просто старуха – начало ее, Аниного, безумия.

Тем более нужно успокоиться и уснуть. Просто уснуть и ни о чем не думать.

Аня перевернулась на спину и принялась считать про себя. На четвертой тысяче она наконец начала задремывать. И тут раздался звонок.

Она не сразу поняла, откуда он: из сна, из телефона?

Звонок повторился – одинокий, короткий звонок в дверь.

Кто мог прийти к ней в такое время? Ошиблись квартирой?

Нет, это пришел убийца.

Полтретьего ночи – самое время ему прийти.

Но неужели он думает, что она ему откроет? Ни за что, ни за что не откроет!

Но так просто он не уйдет. Он пришел убить и убьет. У него, конечно, есть ключ. Тот, что лежит у нее в кармане куртки, – его ключ.

Нет, он лежит в кармане ее куртки. Значит, у него другой ключ.

Снова звонок и легкий, какой-то скребущийся стук в дверь. Он просит впустить. Чтобы убить. Просит впустить, значит, сам открыть не может?

Надо вот что сделать: пойти посмотреть в глазок, и если это он, выбежать на балкон и закричать, позвать на помощь.

Потому что так просто он не отступится: если нет ключа, откроет какой-нибудь отмычкой. Отмычка-то у него точно есть. Ведь не может же он рассчитывать, что ему откроют добровольно.

Вылезать из постели, подходить к двери страшно. Но... он так не отступится. Когда он начнет входить в квартиру, звать на помощь будет поздно. Раз он пришел, значит, знает, что она дома, и дома одна.

Аня встала, прокралась в прихожую, включила свет, осторожно заглянула в глазок – на площадке стояла старуха.

Она и есть убийца, вот оно что!

Но зачем тогда ей нужно было предупреждать об убийстве? Застать врасплох – тактика убийцы, а совсем не предупреждать свою жертву, ведь тогда убийство может сорваться.

Нет, старуха – просто старуха. Открывать ей не стоит, но...

– Открой, дочка, скорее. Я знаю, что ты за дверью. Не бойся, это всего лишь я.

Открыть? Старуха – просто старуха, убийцей она быть не может. Да к тому же ей лет восемьдесят, не меньше, на нее плюнь – развалится, призрак в черной одежде, то ли траурной, то ли какой-то монашеской.

Призрак! Да она просто призрак. На четвертом этаже никто не живет, откуда тогда взялась старуха? Нет ее, просто призрак. Если протянуть руку – рука не найдет опоры, пройдет сквозь старуху.

Надо открыть и проверить.

Нельзя открывать!

Но как же тогда проверить?

– Открой, дочечка!

Аня открыла дверь, старуха шагнула в квартиру.

– Я ждала, ждала тебя, а ты не идешь, – заговорила она, как только вошла. – Чай купила английский, с бергамотом. Ты любишь с бергамотом?

– Я... С бергамотом?

– Не любишь? А я люблю. Но есть и простой. И апельсиновое варенье. Я ждала, думала по-соседски придешь. Муж-то твой уехал? Ты одна, я одна, посидели бы вместе.

– Господи! Где посидели бы?

– Где? У меня. Чайку бы попили: я с бергамотом, ну а ты, если не любишь, простой.

– Но ведь там... там строители, и никто не живет, на четвертом.

– Ну как никто не живет? Там живу я.

– Мне говорили... я, наверное, что-то перепутала... Или они перепутали. – Протянуть руку, и все станет ясно. Старуха – призрак.

– Я принесла тебе фотографию, ты просила.

– Какую фотографию? Я ничего не просила!

– Ну как же? Наташечкину фотографию. Ты хотела посмотреть на нее. Вот, возьми. – Старуха протянула Ане желтый, потрескавшийся снимок. – Карточка старая, но разобрать можно. Видишь, это Наташечка, за год до смерти, ей тут семнадцать.

Аня в испуге уставилась на фотографию, такую старую, истрепанную и мутную, словно она была ровесницей дома. На снимке была заснята молоденькая девочка, на вид не больше шестнадцати, довольно красивое, но пустоватое, совершенно без затей личико, светлые, завитые по старой моде волосы, собранные в какую-то причудливую прическу. Чем-то она действительно напоминала Аню: то ли разрезом глаз, то ли формой носа, то ли... Трудно сказать, в чем именно состояло сходство.

Фотография поразила ее. Поразило то, что абстрактное убийство абстрактной девушки принимало такую конкретную, такую определенную форму – зрительный образ. Теперь легко можно было представить ее живой, вообразить, как она ходила, как одевалась, что любила и чего не любила, чем занималась, о чем думала, когда оставалась одна. Тогда она осталась одна в пустой квартире, когда пришел убийца.

– Пусть карточка пока побудет у тебя, я потом за ней зайду. Или ты занесешь. Я всегда дома.

– Я не...

– Да ничего, ничего, мне не к спеху, оставь. Вот и повод будет зайти. Ну, спокойной ночи. – Старуха отступила к двери. – Я ведь только за этим пришла. До свидания. – Щелкнул выключатель, погас свет. За старухой захлопнулась дверь.

Аня осталась в прихожей, в кромешной темноте. Ею овладел такой ужас, что некоторое время она просто не могла сдвинуться с места.

Зачем, зачем старуха выключила свет? Зачем она приходила? Зачем всучила ей эту фотографию?

Нужно включить свет, и тогда не будет так страшно. Нужно включить...

Ну где он, этот проклятый выключатель?

В панике Аня заметалась по прихожей и судорожно зашарила по стенам, пытаясь найти выключатель. Он почему-то никак не находился. Совершенно потеряв ориентацию в темноте, в новой квартире, она не могла сообразить, в какой стороне находится входная дверь. Выключатель там, старуха, когда уходила, щелкнула им и... Да, она точно вспомнила, что выключатель рядом с дверью.

Выключатель так и не нашелся, но зато Аня нащупала другую дверь, толкнула ее – и оказалась в спальне. Здесь горел светильник, и это ее немного успокоило.

«Все, спасена, – промелькнуло у нее в голове. – Если только старуха действительно ушла, а не спряталась где-нибудь, например под кроватью. Но если так, то тогда... Тогда спасения не будет».

Привалившись спиной к двери, Аня немного отдышалась от своего сумасшедшего бега по прихожей и, наконец решившись, заглянула под кровать, приподняв сползшее одеяло за кончик.

Старухи там не было.

Тогда, осмелев еще, она распахнула дверцы шкафа – никого.

Больше прятаться негде, старуха ушла, слава богу.

Вот только зачем она приходила? И приходила ли вообще? Или...

Приходила, конечно, приходила. И теперь у нее есть доказательства, материальные доказательства материальности старухи – фотография. Где она, кстати? Осталась в прихожей, где-

то там, на полу или на тумбочке. Фотография реальная, значит, и старуха реальна. А приходила она затем, чтобы ее напугать. Вся цель ее появлений именно в этом. И того, с зонтиком, наверняка послала она – возможно, он ее внук или поздний-поздний ребенок.

Да они ведь похожи! Оба в черном, с бледными, предсмертными лицами и сумасшедшими глазами. Может, он и убийца, а она... Его сообщница? Они действуют в паре?

Странный способ убийства. Зачем запугивать жертву, прежде чем ее убить? Вид извращения?

Но хорошо уже то, что они реальны. И улика их реальности – фотография – у нее на руках. Нужно завтра же обратиться в милицию. Если они обычные, реальные преступники, милиция обязана вмешаться. Пусть проверят квартиру на четвертом этаже и их арестуют.

Может, сейчас и позвонить?

Нет, лучше дождаться утра. А сейчас успокоиться и лечь спать. На сегодняшнюю ночь больше нет никакой опасности – старуха ушла и вряд ли вернется.

Успокоиться и лечь. Включить верхний свет, открыть дверь – тогда отыщется выключатель в прихожей. Добраться до кухни, выпить таблетку. Нет, лучше коньяку, Кирилл всегда снимал напряжение коньяком. И все-таки лечь. И уснуть. А завтра позвонить в милицию, позвонить Ирине, да, в конце концов, можно и Раисе Михайловне позвонить.

...До кухни она добралась, и это была победа, это было доказательство того, что с ума она не сошла, может рассуждать и действовать здраво. Коньяк помог быстро, страх совершенно пропал. Аня вытащила из пачки сигарету и закурила.

Да чего она вообще так испугалась какой-то старухи? В высшей степени легкомысленно, конечно, было открывать среди ночи дверь – за спиной старухи мог стоять убийца (ее сын или внук), реальная опасность, но бояться самой этой старой, дряхлой, выжившей из ума женщины нет никакой причины.

И все же хорошо, что старуха пришла и она ее впустила. Теперь-то она точно знает, что с ума не сошла.

Проснулась Аня около двенадцати. Квартира утренняя, в отличие от квартиры ночной, показалась ей милой и безобидной. Вот только в гостиную заходить было жутковато. Но туда можно и не заходить, вполне она обойдется двумя комнатами – спальней и библиотекой. Или...

Нет, с сумасшествием покончено. Глупости это все. Аня решительно толкнула застекленную дверь, обошла гостиную, даже специально, чтобы разогнать страх, посидела в кресле, в котором... Да в самом обычном кресле, в котором ничего, ничего. Дурные сны нужно забывать как можно скорее.

Но старуха-то дурным сном не была.

Да, старуха не была и оставила материальные следы своего пребывания. Она не сон, не сумасшедший бред, не привидение, она – самая обычная преступница. А значит, нужно просто позвонить в милицию, заявить на нее, ну или как там это называется?!

Только как позвонить? Набрать 02? По 02 звонят, когда на лестничной площадке драка, когда ломятся к тебе в квартиру, когда ты приходишь домой и обнаруживаешь, что все, что нажито непосильным трудом... три магнитофона, три кожаные куртки...

Нет, это не тот случай, 02, наверное, не годится.

Позвонить Ирине и узнать, что делать? Она сейчас на работе. Сегодня газетный день, ужасная запарка. Объяснять ей все это по телефону долго и нудно! Она все равно ничего не поймет, попросит подождать до вечера.

До вечера ждать нельзя. Потому что когда наступит вечер...

Если бы здесь был Кирилл, он бы быстро решил проблему.

Кирилл! Он же недавно, всего недели две назад, встречался с каким-то следователем. Еще статью потом написал. «Превращение в зверя». Громкое было дело и... жуткое дело. Муж

в течение трех часов забивал свою жену, а в соседней комнате находились их дети, пятеро детей. Он придвинул шкаф, чтобы они не могли войти... И никто, никто из соседей не вмешался. Муж потом сам вызвал милицию, когда ее убил, сам на себя заявил.

У Кирилла наверняка остался телефон следователя, который вел дело. Надо с ним встретиться и все ему рассказать про старуху. И фотографию ему отдать.

Или это тоже не тот случай?

Ну, во всяком случае, лучше встретиться со следователем, чем звонить по 02. Тем более Кирилл говорил, что мужик он нормальный, человек, в отличие от... от очень многих ему подобных.

Найти бы только его телефон. Как же звали этого следователя?

Булатович. Ну да, Алексей Федорович Булатович.

... Телефон отыскался довольно быстро – в еженедельнике Кирилла (почему-то он не взял его с собой, наверное, забыл). Он был записан черным маркером и подчеркнут двумя жирными линиями.

Аня набрала номер и тут вдруг поняла, что совершенно не готова к разговору. Она хотела уже положить трубку, но ей ответили:

– Майор Булатович слушает.

Грубоватый, прокуренный голос следователя испугал ее, и она окончательно растерялась.

– Я... Вы недавно встречались с моим мужем, Кириллом Соболевым. Я его жена...

– Ну, ясное дело, что жена, если он ваш муж. – Булатович засмеялся. Смех его тоже был грубым и прокуренным.

– Вы помните Кирилла?

– Это журналист?

– Он главный редактор «Криминального города».

– Как же, помню.

– Ну вот, а я его жена.

– Очень приятно. – Следователь опять почему-то засмеялся.

– Мне нужно с вами встретиться.

– Вы тоже журналистка?

– Я... нет. Я по другому... У меня... Мне угрожают. То есть не угрожают, а... Понимаете, Кирилла, моего мужа, нет сейчас в городе, он улетел в Америку.

– Да? И кто вам угрожает?

– Я не совсем верно выразилась. Это старуха, она живет на четвертом этаже, а, видите ли, там никто не живет, то есть не должен жить. И вот она... Вчера она встретила меня в подъезде, а сегодня ночью...

– Подождите, я ничего не понимаю.

– Она выглядит как сумасшедшая, эта старуха. Я сначала так и подумала, но сегодня ночью поняла, что у нее какой-то преступный замысел.

– Преступный замысел? Так она вам угрожала или нет?

– Она пугает меня. И... Я даже подумала, что схожу с ума, а сегодня ночью... Теперь у меня есть доказательства, что я не схожу с ума, что она материальна. Фотография, она принесла мне фотографию.

– Какую фотографию? – Голос Булатовича стал еще грубее и прокуреннее, он просто рычал, чувствовалось, что терпение у следователя кончается.

– Убитой, – выдавила из себя Аня. Нет, нужно прекращать этот разговор, ни к чему он не приведет. И Кирилл, когда придет, на нее рассердится, что она со своими глупостями в милицию полезла, опозорила его перед людьми.

– Давайте сделаем так. – Булатович немного подумал. – Подъезжайте ко мне ровно к трем, сможете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.